

An illustration of five boys running diagonally across the frame from the bottom left towards the top right. They are dressed in mid-20th-century style clothing: white shirts with dark ties and dark shorts. Each boy is holding a sword. The boy at the top is in a dynamic pose, with one arm raised. The boy in the center holds a sword high. The boy at the bottom is also running with a sword. The background is a solid green color with a rough, hand-painted texture.

ЯН ПЛОТНИК

ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ

Цена 25 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЯНИС ПЛОТНИЕК

ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ

ПОВЕСТЬ

ПЕРЕВЕЛ С ЛАТЫШСКОГО
А. БРЕМЗИС

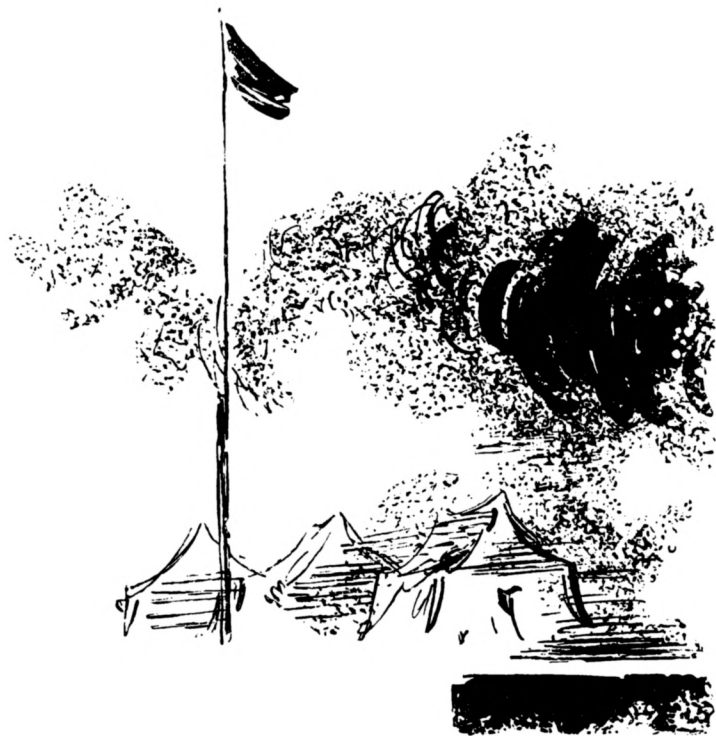
ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
МОСКВА 1970

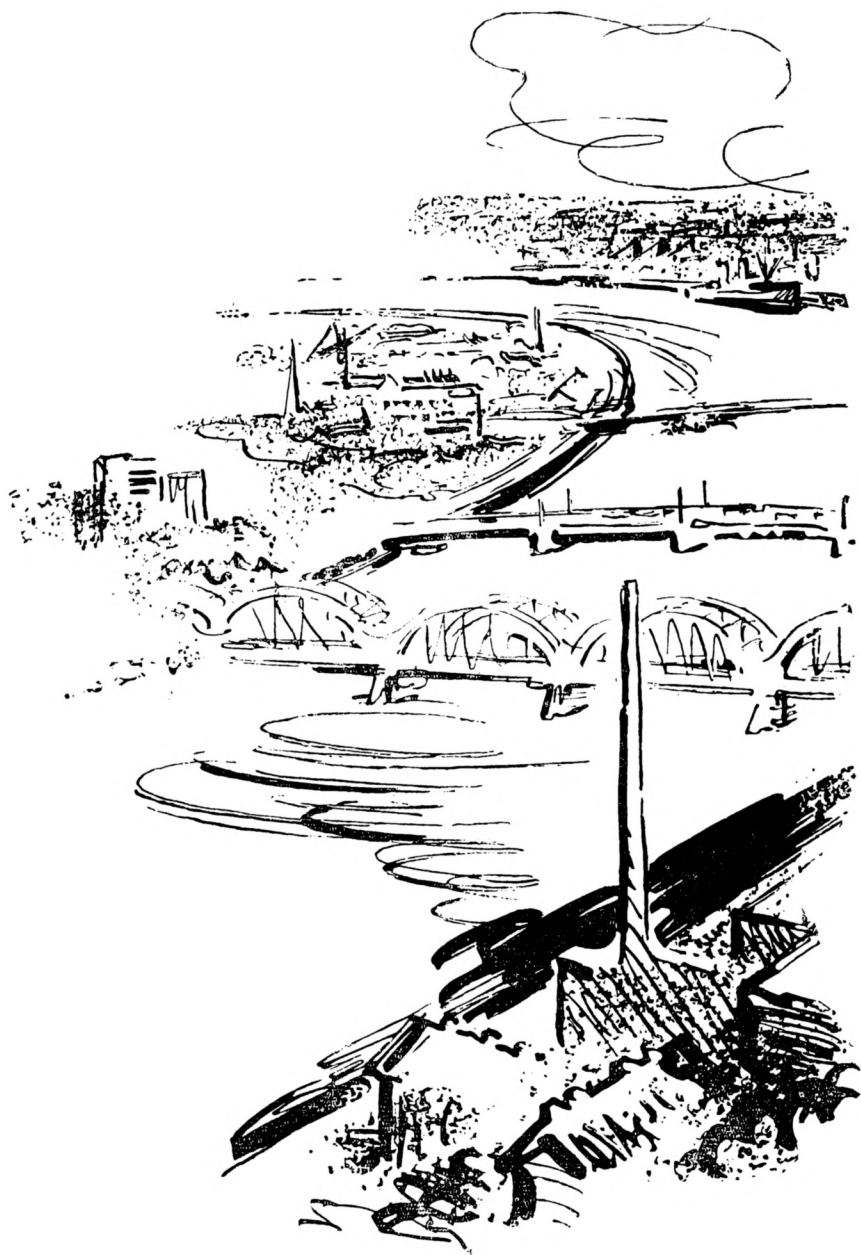
Повесть «Черные и белые» — первое прозаическое произведение известного латышского поэта Яниса Плотниекса, представителя молодого поколения литературы Советской Латвии.

Увлекательная по своему сюжету, книга Я. Плотниекса рассказывает о преемственности поколений, о знамени отцов, подхваченном сыновьями, о детях рабочих, помогавших взрослым бороться с профашистским режимом президента Ульманиса.

Время действия повести — лето 1940 года, последнее лето господства буржуазии и первое лето Советской власти в Латвии. Место действия — маленький латышский городок Гўлбене. Автор рассказывает о «войне» двух лагерей: «черных» — детей железнодорожников и «белых» — сынков местных богачей; о «войне», которая постепенно сливается с борьбой лагерей взрослых. Отряды, подобные полку черных, возникали в те годы по всей Латвии, и эпизоды, описанные Я. Плотниексом в его повести, — это частичка истории республики. Именно потому и привлекает к себе внимание эта небольшая повесть.

Р и с у н к и А. Ш У Л Ь Ц А

Я убегаю из города

Воспоминания обычно сравнивают с давно прочитанной, взволновавшей тебя книгой. Многие ее страницы поблекли, герои и события позабылись, но они живут где-то в тайниках твоей памяти и до поры до времени молчат. Стоит, однако, неожиданно увидеть знакомое лицо или услышать старую песню, как вдруг теряешь покой, пытаешься воскресить в памяти давнопрошедшие события, друзей юности. И тогда долго ходишь сам не свой, мучительно вспоминая, где и когда ты видел раньше этого человека или слышал эту пес-

ню. Только в такие минуты не надо бродить по городу, иначе разгневаешь всех шоферов и регулировщиков уличного движения. Лучше всего взять рюкзак, затем, сосредоточив все свое внимание, добраться до вокзала, купить билет и ехать куда глаза глядят. Где-нибудь на сельских просторах ты сможешь спокойно ходить, думать, вспоминать, размахивать руками, разговаривая сам с собой, в полной уверенности, что не попадешь под колеса автомашины. Может быть, только какая-нибудь сердобольная старушка, поглядев на тебя, покачает головой и скажет:

— Бедняга, совсем свихнулся в городе...

То же самое случилось и со мной. Однажды утром, полусонный, я бежал на работу. Очень хотелось спать, так как я всю ночь трудился над очерком, то и дело глотая крепчайший черный кофе.

На углу улицы Кирова я чуть не сбил с ног моложавого на вид, но уже седого полковника. Буркнув что-то невнятное, что на языке нормального человека значило бы: «Извините, пожалуйста!», я собрался бежать дальше. Но военный улыбнулся, кивнул и... поздоровался со мной. Улыбка его показалась мне какой-то загадочной, где-то уже виденной, знакомой. Только потом, на работе, я припомнил, что по всей его левой щеке—от угла рта до виска—тянулся чуть заметный шрам. Эта встреча лишила меня покоя. Всю неделю, тщетно напрягая память, я пытался вспомнить этого человека. У меня было такое ощущение, будто я забыл сделать что-то очень важное или же обманул друзей, не выполнив какого-то своего обещания.

Нервы мои не выдержали. Я выпросил отпуск и исчез из города...

Через несколько дней я уже был на берегу реки Пёдедзе. Срёзал длинный прут, прикрепил к нему леску, надел на нее поплавков и привязал крючок. Разбросав камни, собрал в старую немецкую каску червей. Выловив парочку пескарей, я вообразил себя заядлым рыболовом.

В селе Дáуксты, где жили мои родители, я выпросил у седого столяра Юлия велосипед, оставшийся от сына, не вернувшегося с войны, и превратился в заправского туриста. Изъездил и исходил все большаки, все сельские дорожки и лесные тропки бывшего Мáлиенского края. Выловил нескольких окунишек и плотвичек в Ушурском озере и реке Лйеде, где, как всерьез утверждают бывалые рыболовы, водится даже форель. Побродил по берегам рек Тйрзы и Азанды, покатался на лодке по Стáмериенскому озеру... Но больше всего меня манила Пёдедзе. Голубая лента реки, с ее глубокими заливами или маленькими спокойными излучинами, послужила мне той дорогой, шагая вдоль которой я встретился со своей юностью. Роща могучих столетних дубов, державших на плечах густую шелестящую крышу листвы, казалась мне родным домом.

...В тот день я снова сидел на огромном, поросшем мохом камне. На поверхности тихого омута слегка покачивался поплавок. Легкий ветерок прорвался в заросшую деревьями долину реки и озорно морщил гладь Пёдедзе. Прищулив глаза, я долго глядел на серовато-коричневый ствол дуба, который рос на крутом берегу и, наверное не выдержав тяжести своей пышной кроны, свесился над омутом. Где-то за кустарником вдруг послышались звонкие голоса. На берег вышли три паренька. Не обратив на меня никакого внимания, они присели на камни, закинули удочки и умолкли. Я стал наблюдать за ними. Двое показались мне почему-то знакомыми, хотя я хорошо знал, что никогда раньше не видел их. Они были одеты в темные курточки с металлическими пуговицами. Ах вот оно что! Пуговицы!.. Блестящие пуговицы железнодорожников! Они-то и вернули меня в прошлое...

Я совсем забыл про свою удочку и про ребят, которые не спускали глаз с поплавков, покачивавшихся на сонной волне. В моей памяти всплыла далекая осень, промерзшая ухабистая дорога, вереница веселых возниц, криками и уда-

рами плеток погонявших лошадей. Это были подвыпившие на базаре богатые крестьяне, которые, возвращаясь из города Гўлбене, устроили конные соревнования. На обочине дороги, в синеватом пиджачке и отцовской ушанке, стоял

мальчишка. Когда разгоряченные кони скрылись за поворотом, он спокойно поправил висевший за спиной деревянный ранец с краюхой хлеба, жареным горохом, кусочком засохшего сыра и копченой бараньей грудинкой. В кармане, застегнутом булавкой, позвякивало несколько латов¹ — летний заработок маленького пастуха.

Почесав затылок, паренек уверенно, как взрослый, зашагал в сторону Гулбене.

Спешить некуда — воскресный вечер. Лишь бы к восьми часам добраться до дому, тогда хватит времени и выспаться. В понедельник утром уже надо в школу. Ведь пастуху и поспать-то некогда летом. А если не выспишься, заснешь на уроках.

Пёцис — так звали паренька — задумчиво посмотрел на дорогу, покрытую гравием, и улыбнулся. Завтра долгожданная встреча с друзьями, которые и окрестили его Пецисом. Обычно, отвечая урок, каждое предложение он начинал словами: «Пё-ец... пецтáм...»² Отсюда и пошла кличка. В классном журнале было записано другое, звучное имя — Янис Дзэлзитис. Яниса уважали все ребята. Весной они выбрали его писарем своего отряда — полка черных. Однако выполнять эти обязанности ему помешали пастушьи дела...

Я все смотрел и смотрел в воды Педедзе. Мне казалось, что ее течение проносит мимо меня воспоминания прошлого. Как на экране кинотеатра, видел я «исторический» бой в нашем городском парке, когда потерпел позорное поражение полк белых — шайка головорезов Юрки Бўллитиса, по про-

---

¹ Лат — денежная единица в буржуазной Латвии.

² Пецтáм (латышск.) — потом.

звищу Рэпсис¹, вместе с полицейским Румбой. Потом я видел события, связанные с освобождением нашего разведчика Нэзитиса, попавшего в плен к вождю белых Репсису, «казнь» предателя Папуаса и...

— Эй, клюет! — закричали вдруг ребята.

И в самом деле — красно-желтый поплавок нырнул в омут под корни ольхи. Как говорят рыбаки, я сделал подсечку — и над водой описала дугу довольно солидная щука. Будь я настоящим рыбаком, я сказал бы — с доброе полено. Но я не умел правдоподобно рассказывать всякие рыбацкие истории. Да и счастье мое было мимолетным — королева речных глубин, сверкнув в воздухе, молнией ухнула в омут.

К вечеру солнце село на макушки дубов, а затем по могучим их ветвям постепенно скатилось вниз, в сторону моря. Ребята свернули удочки. Я свою, без крючка, — тоже. Подсчитали улов. Мальчишки поймали штук пятнадцать крупных окуней, я — три, и то величиной с большой палец.

На противоположном берегу, за дубами, медленно разгорался пионерский костер. Струйки синего дыма плыли над черемухами, которые местами росли почти у самой воды, оставив только узкую полоску песка и камней, где днем на солнышке грелись утки, лягушки и стрекозы.

Ребята, узнав, что я тоже когда-то учился в Гулбене, пригласили меня в свой лагерь. Из наших разговоров выяснилось, что воспитательницей у них Мара Даболина, с которой я учился в одной школе. Отказаться было неудобно. К тому же я и не собирался делать этого, так как был рад впервые в своей жизни провести вечер в пионерском лагере.

Я поднял велосипед на плечо, и, прыгая с камня на камень, мы вчетвером перебрались на противоположный берег.

Первое знакомство было несколько холодноватым. Один из «часовых» пытался спросить у меня пароль — как-никак

---

¹ Рэпсис (латышск.) — коряга.

на территории лагеря появился чужой, подозрительный бородатый мужчина. Однако мне повезло: в плен меня взять не успели. Как из-под земли выросла Мара. Ее удивило и обрадовало мое появление. Тепло поздоровавшись со мной, она представила меня пионерам:

— Это Янис Дзелзитис, бывший ученик нашей школы.

Маленькая девчушка, моргая большими удивленными глазами, должно быть, в первый и единственный раз засомневалась в правдивости слов воспитательницы. Она робко переспросила:

— Ученик?.. Такой бородатый?..

— Бывший, бывший, Ильза,— улыбнувшись, сказала Мара и погладила девочку по головке.

А когда мои юные друзья по рыбалке рассказали своим товарищам о щуке, которую я чуть было не поймал, не окажись она такой строптивой, ребята стали относиться ко мне даже с некоторым уважением. Правда, девочки осторожно осведомились, почему в моем мешочке только три окунишка. Я, покашляв, уклончиво ответил:

— Видите ли, рыба больше любит молодых людей. Она думает, что с их крючка легче сорваться. Но не тут-то было!.. Ребята тащили окуней одного за другим...

Ответ всем понравился. Только один из самых маленьких серьезно спросил меня:

— Дяденька, а когда вы были моложе, тогда лучше ловилось?

Я было совсем растерялся от такого неожиданного вопроса, но вовремя вспомнил свои школьные годы. Тогда часто летом, в воскресное утро или даже в субботу вечером, целый караван ребят — весь полк черных — покидал Гулбене и отправлялся на Вáлмесское озеро или на реку Педедзе за большим уловом.

— Тогда... тогда... — Я искал подходящие слова для ответа, вернее, чтобы уклониться от прямого ответа мальчугану. — Ловилось тогда, конечно, лучше... Знаешь, был у нас

такой Генерал, Генерал черных... Вот это да!.. Закинет удочку и вытаскивает рыбу, закинет и вытаскивает... Однажды поймал двадцать щук. И каких! Величиной с полено!

— Генерал черных? — переспросила Мара и засмеялась. — Так это же, по-моему, Вáлдис Цёриныш?

— Ну конечно, наш славный Валдис! — радостно воскликнул я, не ожидая такой поддержки. — Правильно! Ты же знала всех ребят из полка черных!

— Правда, тогда я была еще совсем маленькой, больше путалась под ногами матери... — сказала Мара и, посмотрев на ребят, умолкла, забеспокоившись, что слова эти могут подорвать ее авторитет.

— Ну и что? Если генералам везет, в этом нет ничего удивительного, — снисходительно проворчал самоуверенный рыжий мальчуган.

— Так это ведь был такой же «генерал», как и ты, — улыбаясь, пояснила Мара.

— Какой он генерал! — ткнув пальцем в рыжего, усмехнулся один из моих юных друзей-рыбаков. — Как заяц труслив. Вчера увидел козла соседки-старушки и давай включать третью космическую скорость...

— А сам? Сам тоже с испугу прыгнул в речку...

— Ладно, ладно! Не надо спорить. У козлов и в самом деле острые рога, — сказал я, стараясь ликвидировать угрозу холодной войны. — Однажды это рогатое существо мне тоже порвало брюки...

Столь серьезное объяснение, видимо, удовлетворило обе спорящие стороны. Но всех заинтересовал загадочный Генерал черных. Сидевшие вокруг костра ребята очень просили меня рассказать об этом прославленном человеке. Не помогли ни мои ссылки на то, что это длинная история и кое-что уже забылось — а это было чистой правдой, — ни возражения, что я не умею хорошо рассказывать, так как Мара предательски заявила, что я журналист. А газетчики, как известно, умеют говорить за девятерых.

Скажу честно, мне было приятно провести несколько вечеров в пионерском лагере у костра. В детстве мы были лишены такого счастья. Я согласился рассказать о Генерале черных и остался в лагере. Другого выхода не было. Да и все равно делать мне было нечего. Лучше уж провести время с какой-то пользой.

Решили, что я каждый вечер буду рассказывать по одной истории о славном полке черных.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Два государства в одном городе

Помню, мой отец, потеряв надежду найти свое счастье на селе, перебрался в город Гу́лбене и устроился сторожем на железной дороге. Работа эта, как говорится, костей не ломала. Усталая спина старого землекопа могла отдохнуть. Но и зарплата была нищенской. Поселились мы на улице Озолу, на северной окраине города, где начинался старый баронский парк с тремя огромными прудами и девятью знаменитыми островками, которые пользовались большой популярностью среди местных жителей. А за парком, в то время уже довольно запущенном и заросшем, раскинулось большое болото. Каждую осень матери посылали нас туда собирать клюкву. Зимой они носили ягоды на «центр мира», как мы называли базар, чтобы за несколько сантимов продать их женам городского головы, судьи, врача или начальника полиции — одним словом, местной знати.

На улице Озолу в основном жили железнодорожники.

Тогда Гулбене скорее походил на деревню, чем на город. Но мы все — и ребята и взрослые — были истинными патриотами своего города и говорили с гордостью: «Наш Гулбене», потому что была у нас своя центральная улица длиной почти в километр! А главное — называли ее Рижской. Метров двести этой улицы, не меньше, были даже покрыты неровным слоем асфальта.

Если взобраться на пожарную каланчу и поглядеть на город сверху, то напоминал он колбасу, южный конец которой упирался в берег речки Дзірнаву, а северный тянулся через железнодорожное полотно до самого кладбища и немного огибал его. От главной улицы, как кости от рыбьего позвоночника, расходились по обе стороны улочки и переулки, порою превращавшиеся в узкие тропинки.

На той стороне города, где заходит солнце, находилась известная, полюбившаяся всем гимназисткам и некоторым романтично настроенным гимназистам черемуховая долина. Взрослые считали ее просто оврагом. Но это, по нашему мнению, было несправедливо. Поэтому ребята называли овраг Дáугавой, а село, расположенное на противоположной стороне, — Задв́иньем. Там жил один из наших одноклассников — Бру́нис, худощавый парень в очках, тонкий как жердь и умный как профессор. В Гулбене он и в самом деле приехал из настоящего Задвинья¹. В Риге его отцу в поисках работы частенько приходилось стоять в очереди на какой-то улице Тóрню, где находилась биржа труда. Потом его терпение лопнуло, и он перебрался в наш город, хотя и здесь был такой же ад, как и повсюду в буржуазной Латвии.

На другой стороне Гулбене, там, где солнце восходит, простиралось большое поле, на нем мы гоняли мяч и устраивали парады нашего прославленного полка. Правда, городское начальство называло это поле иначе — аэродром. Но на этом аэродроме производили посадку и взлет только вороны и огромные стаи галок, которые голосили значительно громче, чем самые настырные торговки на гулбенском базаре.

Сильный шум создавали и резкие, частые гудки паровозов, потому что тут же, за углом парка, располагалась железнодорожная «больница» — депо. «Паровики» — как называли паровозы наши отцы — привозили ремонтировать в Гулбене со всех концов Латвии: из городов Мádона, Лúбана, Бáлвы, а узкоколейные «кукушки» — из Алуксне и даже из Бáлки.

Ранним утром городские улицы заполняли рабочие в

---

¹ Задв́инье — район Риги, расположенный на противоположном от центральной части города берегу Дáугавы (Западной Двины).

черной одежде. Они спешили на станцию, в закопченные, похожие на угольные горы корпуса ремонтных мастерских, которые, проглотив угрюмые толпы, целый день рычали и громыхали. Вечером из депо выходили до предела уставшие, измотанные люди; они, казалось, были переломаны пополам. Покрытые угольной пылью, прокопченные дымом, будто побывав в аду, рабочие снова заполняли городские улочки.

Золотой порой для нас, мальчишек, были весна и лето, когда не нужно заботиться об одежде. Если только есть какие-нибудь бурые или сероватые трусики, можно целыми днями слоняться даже по Рижской улице, и никому в голову не приходила мысль, что он непристойно одет. Иногда только долговязая барышня Бérга, презрительно сморщив нос, прошипит:

— Дикари!

Единственным несчастьем, бедствием, которое могло обрушиться на каждого из нас, было то, что нас отдавали в пастухи к какому-нибудь толстопузому кулаку. В таком случае делай что хочешь — плачь или ной, — но прощайся с городской жизнью на пять-шесть месяцев. Этих несчастных мы у себя в полку считали погибшими и во время парадов, когда назывались их имена, торжественно произносили:

— Стал жертвой домашних животных!

Поэтому часто наши ряды бывали поредевшими, и во время самых жарких боев у нас иногда не хватало стрелков. Тогда в городе хозяйничали хвастливые и заносчивые белые, потому что им такая участь не угрожала.

Сейчас я уже точно не помню, почему нас называли черными. Но, должно быть, в этом были повинны наши отцы. Из их поношенной одежды матери шили нам штаны и пиджачки. Поэтому и ребята и девочки лет до пятнадцати-шестнадцати носили черную одежду. Конечно, и лица наши по-

рою были чернее, чем у детей какого-нибудь булочника или мясника. Вдобавок ко всему, гулбенская «знать» всех железнодорожников называла черными, будь то взрослый или малыш, — черный, и все.

К белым относились отпрыски господ и их прихлебателей — начиная с сынка городского головы и кончая лохматой дочерью парикмахера. Таким образом, весь наш город был разделен на два больших враждующих лагеря, которые постоянно находились в состоянии войны. Был еще и третий лагерь — так называемые «мягкие». Они обычно поддерживали тех, кто посильнее, или же тех, кто был повыгоднее для них. Самыми типичными представителями «мягких» были четыре сынка красильщика и дети хромого сапожника, а также плутоватый Папуас, сынишка дворничихи, той, что убирала базарную площадь. Папуас одно время пребывал в рядах черных. Этим ребятам нельзя было ничего доверять. За три конфеты или два сантима они готовы были удавиться, выболтать белым наши самые важные военные и экономические секреты. Секреты белых они тоже не умели держать за зубами. Поэтому мы иногда пользовались услугами «мягких».

Ненависть, разделявшая черных и белых, была такой жгучей, что Гулбене представлял собой, по сути, два государства: окраины — наши, центр — белых. Конечно, наше положение было более выгодным, потому что белые все время находились в окружении. И так как в одном городе существовали два государства и к тому же враждебных, то, сами понимаете, каждое из них должно было иметь свои войска. Потому-то и был создан наш прославленный полк черных.

Было солнечное воскресное тихое утро. Казалось, даже паровозы гудят тише, чем в обычные дни. Дым поднимался прямо в небо, и копоть не сыпалась на крыши наших домов. Ни булыжная мостовая, ни разбитый тротуар, похожий на узкую старую доску, ни редкие покалеченные и полузасохшие липы, ни мусорный ящик, стоявший в углу двора, не портили нашего хорошего настроения. Весело посвистывая, мы собрались во дворе большого дома — пятнадцать мальчишек и пять девчонок. Предстоял напряженный трудовой день.

Рядом с парком, неподалеку от «аэродрома», владелец мясного магазина Буллитис вместе с кожевником Радзиньшем задумали построить новую скотобойню. Они считали, что это предприятие станет для них подлинным золотым дном. Нужно только договориться с приемщиком скота, или, как его называли, «сортировщиком», чтобы тот из приемного пункта посылал лучших свиней и самых упитанных телят на бойню. И деньги тогда потекут рекой.

Буллитис и Радзиньш надеялись построить прибыльное предприятие до осени, потому что осенью самый большой приток скота. Именно в эту пору по дешевке можно купить наилучшую буренку или наиболее упитанную хрюшку. Дельцы наняли рабочих, которые каждый день трудились не разгибая спины. Только по воскресеньям за парком царила тишина — не скрипели вагонетки, не стучали молотки и не раздавались голоса рабочих. Однако Буллитису и Радзиньшу такие дни были не по душе. Однажды мясник, встретив на улице нашего Генерала, настоящее имя которого было Валдис Цериньш, спросил его, не хотят ли ребята немножко заработать. Валдису, конечно, палец в рот не клади.

— Почему же нет? — сразу ответил он.

— Ну вот и хорошо! — обрадовался Буллитис. — В воскресенье собери своих ребят и приходи с ними на мою

стройку. Вагонетками подвезете от станции кирпичи и аккуратно сложите их в штабеля.

Поэтому в воскресенье мы собрались во дворе старого кирпичного дома, где жил наш командир Валдис. От окна к окну, от сараев к высокому, пропитанному дегтем забору,— везде и всюду тянулись веревки, на которых сушилось белье.

— Вот где они висят! — воскликнул наш разведчик Нэзитис, показывая пальцем на какую-то вещь, висевшую на сучке вербы.

Мы сразу догадались, что это серые штаны Генерала. Мы уже знали, что вчера он принес в депо отцу обед и нечаянно искупался в машинном масле.

— Я видел, как это было,— размахивая руками, выразительно рассказывал Хэрий по прозвищу Актер.— Бочка была прикрыта тряпкой. Ну, Валдис недолго думая взял да и сел на нее и, конечно, до плеч провалился в масло...

Рассказ Актера нас развеселил, но мы только улыбались, потому что нехорошо громко смеяться над своим командиром.

— Ста-а-но-вись! — неожиданно раздалась такая громкая команда, что мы чуть было не свалились с ног, а в окнах появились перепуганные лица женщин.

Во дворе соседнего дома залаяла собака и тревожно закудахтали куры. Такой громкий голос был только у Сэбритиса, адъютанта Валдиса. В школе Себритис считался лучшим историком. Наверное, потому его и окрестили Пипином Коротким.

Выполняя команду, мы все стали в строй. В дверях дома показался худощавый длинноногий парень. Когда он шел по улице даже спокойно, нам приходилось почти бежать, чтобы не отставать от него. Во всем городе не было лучшего бегуна, лыжника и конькобежца, чем он. Это и был командир нашего полка — Генерал Валдис Цериньш.

— Пошли,— махнул рукой Генерал и, повернувшись к

Пипину, сказал с улыбкой: — А ты не ори так! Сегодня парад не состоится. Мы идем на работу.

— Слушаюсь!.. — не сдержавшись, опять гаркнул Пипин и подал команду: — Разойдись! — после которой с крыш соседних домов улетели все воробьи.

— Вот уж настоящий тромбон, — покачал головой Генерал.

В ответ Пипин самодовольно улыбнулся и вытер рукавом нос, который, как он сам однажды выразился, каждую весну начинал доиться. Должно быть, эти умные слова он услышал в прошлом году, когда пас коров у одной хозяйки.

— Ну, старики, пошли зарабатывать деньги, — деловито, как наши отцы, произнес Валдис и, взмахнув рукой, направился к воротам.

Через минуту мы уже шагали по улице Озолу, поднимая босыми ногами клубы пыли.

У вокзала нас встретил сам Буллитис. Кивнув Валдису, он повернулся к нам, приподнял соломенную шляпу с согнутыми полями и, широко улыбаясь, весело поздоровался:

— Здравствуйте, герои!

Услышав такие слова, мы все, как один, гордо выпятили грудь. А Пипин, придя в восторг от оказанной нам чести, приложил руку к бумажной пилотке и весело гаркнул:

— Привет Буллитису!

Мясник усмехнулся и начал объяснять нам, что нужно делать. Вдоль железной дороги тянулся большой штабель кирпичей, а рядом с ним — узкие рельсы, на которых стояли четыре или пять вагонеток. Буллитис торжественно пообещал: если до вечера мы перевезем весь кирпич на строительную площадку, то каждому из нас он заплатит по двадцать сантимов. Сначала нам показалось, что это большие деньги. Мы все как дураки согласились и в телячьем восторге даже

не сообразили, что на весь дневной заработок хорошо если мы сможем купить хотя бы две порции мороженого.

Вначале работа показалась нам пустяковой. Мы торопливо грузили кирпич в вагонетки, с полкилометра толкали их через парк до строительной площадки, разгружали и катили пустые тележки обратно. Первые две-три поездки были совсем легкими, и мы надеялись, что до обеда перевезем весь кирпич. Звучали веселый смех и шутки. Буллитис похвалил нас, похлопал по плечу Генерала и, посмотрев на свои золотые часы, ушел домой.

Он пообещал, что придет попозже и проверит, как идет работа. А сейчас ему некогда, пора идти в церковь. Хорошо, что мы, ребята, не верили ни в бога, ни в черта. Поэтому без всяких угрызений совести мы могли работать и в воскресенье. Правда, наш Харий очень удивлялся, что верующий Буллитис заставляет нас работать в воскресный день.

— Только за работу платят деньги, — профессорским голосом рассуждал Брунис из нашего местного Задвинья. — Зато, что ты будешь сидеть в церкви, никто денег не даст. Поэтому в церковь пусть ходят богачи, у них денег — куры не клюют. Нам некогда молиться — нужно работать.

В знак согласия мы кивали головами. Конечно, нужно работать, и Брунис, бесспорно, прав. Подумать только: кто же станет нам платить двадцать сантимов за то, что мы, как святые, будем сидеть в церкви и, выпятив глаза, смотреть на толстое брюхо пастора! У Буллитиса денег видимо-невидимо. Он может делать что хочет. А мы должны гнуть спину, желаешь ты этого или нет.

Некоторое время мы работали с песнями. Но позже у многих из нас на глазах появились слезы. Мы обдирали о кирпич руки, они покраснели и болели, будто покусанные муравьями. Поломались ногти, на кончиках пальцев выступили капли крови. Каждый кирпич теперь мы брали и клали в вагонетки осторожно, словно сырое яйцо.

С каждой поездкой груженные вагонетки становились все тяжелее. Ноги наши скользили, колени и пятки покрывались ссадинами. А гора кирпичей, казалось, совсем не уменьшилась. Припекало солнце. Мы сняли рубашки. С нас градом лил пот...

Кирпичная война

К двум часам дня мы так устали, что едва не валились с ног. Облизывая пересохшие губы, Валдис объявил обеденный перерыв. Ведь нам, как и всем рабочим, полагался отдых. Еле волоча ноги, мы собрались вместе и, по-стариковски кряхтя, расселись на штабеля свежих, пахнущих смолой досок. Угрюмо смотрели друг на друга и не знали, что делать и как быть: ни еды, ни питья у нас с собой не было, а аппетит разыгрался ну просто волчий. Нас уже не привлекали даже деньги. Брунис щупал подбитое плечо. Пипин проколол гвоздем ногу. О мелких царапинах и ссадинах и говорить не приходится.

— С меня хватит,— скептически заявил Актер.— Пусть Буллитис засолит свои двадцать сантимов!..

Но Харий не успел высказать все до конца, как за нашими спинами раздался вежливый, но резкий, скрипучий голос Буллитиса:

— Друзья, чего это вы ленитесь?

Будто сговорившись, мы молча встали и исподлобья зло уставились на своего работодателя. Мясник, почувствовав что-то недоброе, как-то странно засуетился, даже улыбнулся. Но улыбка у него получилась неестественной. Верхняя губа раскрыла большие желтые зубы. «Оскалился, как собака»,— подумал я, глядя на мясника.

— Что случилось? — вновь спросил он строгим голосом.

Опять тишина. Но теперь мы только посмеивались над ним.

— Цериныш,— Буллитис круто повернулся к Валдису,— почему никто не работает?

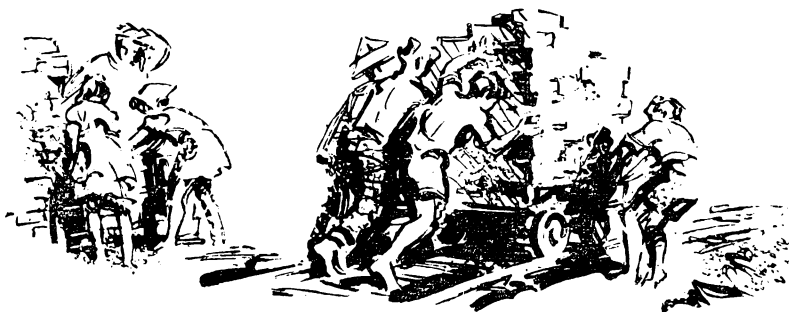
Валдис незаметно подмигнул нам, сделал равнодушное лицо и, почесав за ухом, скучающим голосом произнес:

— Мы решили... мы решили, что двадцать сантимов — это очень мало! — Последние слова он отчеканил коротко и резко, будто выстрелил их из рогатки.

И казалось, они попали Буллитису прямо в сердце, потому что тот, совсем опешивший, все повторял:

— Мало? Мало?..

— Да, мало! — сказал Валдис.— Будете платить тридцать сантимов — будем работать!

— Тридцать? — заорал Буллитис.— Ха-ха! Ишь чего захотели!

— Тогда мы объявим забастовку,— словно старый рабочий, сказал Профессор из Задвинья. Это слово он услышал и запомнил еще в Риге, когда у его отца по вечерам собирались товарищи по работе, в будущем такие же безработные, как и он.

— Бастовать задумали? — покраснел Буллитис.— Я тебе покажу бастовать! — Он угрожающе приближался к Врунису.

Но наши ребята были не из пугливых. Голыми руками

их не возьмешь! Взяв из штабеля кирпич, Брунис спокойно стал на прежнее место. Мясник притворился, что не заметил этого, но все-таки в шаге от Бруниса остановился и прошипел:

— Рижский босяк! В тюрьму таких! Пусть полиция поинтересуется, что за птичка отец этого бандита! — И, немного осмелев, заорал: — Убирайся подалее от моих кирпичей!..

— Заплатите, — спокойно прервал Буллитиса Валдис.

— За безделье не плачу! — отрезал мясник.

— Мы перевезли половину кирпичей, — хладнокровно продолжал Валдис. — Поэтому каждый из нас должен получить не менее десяти сантимов...

— Убирайтесь отсюда! — еще громче заорал Буллитис.

— Если вы не заплатите, мы перевезем кирпичи обратно, — не сдавался Валдис. Не дрогнул даже левый

уголок рта, как это обычно бывало, когда Генерал волновался.

«Кремень, ну чистый кремень!» — обрадовались мы все и гордо подняли головы.

— Не получите ни гроша! — теряя самообладание, топнул ногой Буллитис.

Кончилось терпение и у Валдиса. Махнув рукой, он крикнул:

— Эй, ребята, везем кирпичи обратно!

На рельсах стояли две неразгруженные вагонетки. В один миг мы столкнули их с места, и кирпичный груз покатился к железнодорожной станции. Казалось, что колеса, громыхая и стуча, крутятся сами. На самом деле их движение убыстрял небольшой наклон. На повороте обе вагонетки столкнулись и слетели с небольшой насыпи в глубокую лужу от позавчерашнего дождя. Во все стороны посыпались осколки разбитых кирпичей. А мы, забыв про поцарапанные руки и усталость, опрокидывали штабеля привезенных кирпичей и бросали их в пустые вагонетки. Торговец сначала растерялся, но, опомнившись, схватил деревянную рейку и бросился на нас. Первый удар пришелся по спине Пипина.

— Бандиты! — орал Буллитис.

Но больше никого он ударить не успел. В его грудь попал солидный кусок кирпича. Честное слово, я не знаю, у кого из наших ребят была такая твердая рука! Буллитис осекся на полуслове. Уронив рейку, он бросился наутек. Убегающего мясника сопровождал град камней и битых кирпичей. Будто гонимый собаками, Буллитис исчез в кустах парка. Только через некоторое время мы услышали вопли:

— Полиция! Полиция!..

Но это нас не испугало, так как полицейский участок находился далеко отсюда, в центре города. Мы опешили совсем от другого: из кустов в нас полетели камни! Но мы тут же

сообразили — белые! Их вождь Юрис, сын Буллитиса, наверное узнав от отца, что мы грузим кирпич, решил напасть на нас. Однако Репсис просчитался.

— Ребята, бей белых! — крикнул наш Генерал.

— Ур-ра! — басом прогудел адъютант Пипин, и мы с криками бросились в кусты, успешно развивая наступательные действия.

Девчонки, насыпав в передники кирпичные осколки, чтобы обеспечить нас «боеприпасами», побежали следом за нами.

Начался бой. И если бы кто-нибудь посмотрел на него со стороны, ему показалось бы, что на холмике, заросшем орешником, бушует смерч, который крутится с нечеловеческой силой и воет нечеловеческим голосом. Сын кузнеца из депо Вилис Платайс, по прозвищу Боксер, схватил за шиворот командира скаутов, сына начальника полиции, и принялся колотить его могучими кулаками, как по соломенному мешку. Вилису это ничего не стоило — парень вполне мог справиться и со взрослым мужчиной. Генерал Валдис набросился на самого императора белых Репсиса. Один ловкий «левый крюк» — и с Репсиса, который, кстати, учился в гимназии, слетела форменная фуражка. Однако командир белых не сдавался. Разозленный до слез, он схватил Валдиса за грудь. Сцепившись, они как подкошенные рухнули на землю. На них навалились телохранители Репсиса — Тип и Топ. Но не растерялись и наш адъютант Пипин, и разведчик Назитис. Сейчас по траве катался большой ершистый клубок; изредка мелькали в воздухе то нога, то рука, то чье-то раскрасневшееся лицо...

За другими кустами орешника — такое же зрелище. Профессор, спрятав в целях безопасности свои очки в карман,

спокойно «обрабатывал» задиристого сына аптекаря, которому на помощь спешил плюгавый парнишка, отпрыск фотографа. Я подставил ему подножку, и тот, жужжа как комар, свалился в крапиву. Чуть дальше наши девчонки, без особой нежности, брали на прицел некоторых солдат белых. Крики уже не были слышны. Вокруг только стонала и охала земля. И может быть, именно поэтому так громко прозвучали грозные слова:

— По-о-лиция-я!

— Спа-сай-ся!

Подобно струе холодной воды, над полем боя пронеслась трель свистка. В ту же секунду растаяли группы дерущихся, и, гулко стуча босыми ногами, во все стороны разбежались наши воины. Теперь молодчики с блестящими пуговицами могли ловить ветер в поле. В их руки попал только вытиравший слезы и мычавший как теленок сынок начальника полиции Юлис. Но ему нечего было бояться полицейских. Они, услужливо согнув спины, вытерли ему нос и медовыми голосами попросили отправиться домой. Если бы в их руки попал кто-нибудь из черных, то по спине несчастного танцевала бы дубинка, а отец, уплатив штраф, тоже взял бы ремень и снял с героя штаны. Поэтому наши бойцы растворились в кустах словно утренняя роса. Но ко мне и Пипину привязался какой-то ретивый полицейский, наверное, хотел нас поймать во что бы то ни стало. Мы решили, что сейчас — шутки в сторону. Мчались — только ветер свистел в ушах. Парк кончился. Тремя прыжками мы проскочили улицу и забежали в какой-то двор. Только тогда сообразили, что попали в тупик. Поэтому недолго думая прыгнули в раскрытый деревянный мусорный ящик и с гулким стуком захлопнули за собой крышку. Некоторое время во дворе было тихо. Шумел только петух. Но потом из серого кирпичного дома вышла сгорбленная женщина: мы следили за ней сквозь узкую щель. Держа в руке большой совок с золой, она быстро

приближалась к нашему убежищу. Пипин и я, вспотевшие, мокрые, как щенята, прижались еще плотнее к стенке ящика. Две пары глаз, застывших в ужасе, смотрели на крышку. Та вдруг поднялась, и на нас обрушилось целое облако золы. Потом крышка захлопнулась. Женщина с довольным видом постучала совком по ящику, вытерла глаза и ушла. А мы, серые от головы до пят, сидели на корточках каждый в своем углу, кашляли, чихали и пытались руками протереть слезящиеся глаза. Клубилась густая пыль от золы.

— Больше не могу... — сказал я скрипучим голосом.

— Задохнемся... — глотая пыль, прошипел Пипин.

Мы осторожно приподняли крышку. Из ящика высунулась седая голова со слезящимися глазами, потом рядом с ней — другая такая же. Неожиданно взмахнув крыльями и громко крича от страха, с ящика спрыгнул только что забравшийся туда петух. Испугавшись шума, мы снова нырнули в ящик. Я ударился подбородком об его край, а крышка стукнула Пипина по затылку. Но так или иначе, а надо было вылезать.

— Тыфу, черт! — сердито пробормотал я, и мы выпрыгнули из своего уютного убежища.

Отплеываясь, проверили, не угрожает ли нам опасность. Полицейских поблизости не было. После этого двое седоволосых исчезли в парке: мы решили искупаться.

Что делать? Война кончилась без победы. Конечно, жаль. Но не мы были в этом виноваты. Судьбу исторической битвы решила «верховная» власть.

Через час, когда, чистые и опрятные, успев выкупаться в пруду, мы собрались во дворе Генерала, наш Актер, подняв руку, сказал грозно:

— Борьба еще не кончена!..

— И не кончится! — уверенно произнес Валдис и торжественно объявил: — Завтра соберем свой стрелковый полк. Приказываю явиться всем!

Вечером эхо войны разнеслось по всему городу. Дворничиха с базарной площади рассказала о случившемся парикмахерше, та — друзьям, они — знакомым. И за ужином наши матери тихо, чтобы мы не услышали об этом, шептали отцам: в парке произошла большая драка. А мы ложились спать гордые, со счастливой улыбкой. Только Пипин, тщательно отмечавший каждое историческое событие, еще долго не спал: когда родители уснули, он встал с кровати и большими буквами вывел в своей тетради только нам, ребятам, понятные и славные слова: «Кирпичная война».

Красное знамя, присяга и предатель

На следующий день шел проливной дождь. Но наши ребята не сахарные: в назначенное время все, как один, явились к командиру. Только Папуас, весь какой-то мягкий, кругленький, припелся с опозданием. Аdjутант Генерала объявил ему выговор, а Папуас продолжал невозмутимо сосать леденец.

Валдис заранее предупредил Пипина, что все должны тайно собраться на чердаке его дома, потому что в такую погоду, когда дождь льет как из ведра, под открытым небом собрание не проведешь. Тихо и осторожно мы друг за другом проникли в подъезд, осторожно ступая по скрипучей лестнице, незаметно прошмыгнули мимо дверей квартир и, точно угри, проскользнули, наконец, через люк на чердак. Здесь все казалось каким-то романтическим и таинственным. Даже было как-то не по себе — словно мы попали в пещеру Циклопа: в различных направлениях тянулись, перекрещиваясь друг с другом, толстые серые, покрытые слоем пыли бревна, потолочные балки, стропила и перекладины. Полумрак. Паутина. Маленькое круглое окошко — едва заметное светлое пятно. Одним словом, вполне подходящее место для проведения тайных собраний.

В другом конце чердака, в самом темном и отдаленном углу, горели две свечи, в свете которых мы увидели большое красное знамя, прикрепленное к толстому бревну. Молча мы полукругом собрались у знамени. На наши лица падал его красный отблеск. Застыв, с широко раскрытыми глазами, мы внимательно слушали речь Генерала.

— Ребята! — встав на небольшой деревянный чурбан рядом со знаменем, торжественно начал Валдис Цериныш. — Мы собрались, чтобы прокламировать свое государство и свой стрелковый полк... — И, на секунду прервав торжественную речь, пояснил: — Прокламировать — это значит... создать, провозгласить...

Мы все понимающе закивали головами, про себя повторяя это трудное, но очень важное слово. А командир продолжал:

— У нашего полка будет свое знамя!

— А оно настоящее, да? — глубокомысленно ковыряя пальцем в носу, спросил командира сын стрелочницы — маленький Кáрлис, паренек в заштопанной полотняной рубашке, которая всегда вылезала из дырявых штанов. Но кто-то из ребят толкнул

его кулаком в спину, и Карлис замолчал, обиженно насупившись.

— Ребята, дайте честное слово,— голос Валдиса стал тихим, но еще более торжественным,— что о нашем знамени вы никому не скажете! Его принес Брунис. Но об этом лучше расскажет он сам. Слово имеет Профессор!

Брунис немножко помолчал, покашлял, будто у него что-то застряло в горле, вытер краем рубашки очки и начал говорить почти как настоящий профессор:

— Понимаете, ребята, это рабочее знамя. Оно пробито пулями и залито кровью рабочих.— Он осторожно развернул знамя, а адъютант, взяв свечу, осветил его, и мы увидели на красном полотнище следы пуль и крови; по нашим спинам пробежали мурашки.

Потом Брунис рассказал, что этому знамени более двадцати лет. Оно с тех времен, когда в Гулбене впервые была установлена Советская власть, власть рабочих. Тогда это знамя развевалось над городом. Когда напали белые, один молодой парень, слесарь из депо, лучший друг отца Бруниса — Андрей, с поднятым знаменем в руках повел вооруженных рабочих в наступление на белых, засевших в старом баронском парке. Загремели выстрелы, и три пули пробили знамя, а одна — грудь Андрея. Парень прижал знамя к груди, и на нем остались следы его крови.

Когда белые захватили Гулбене, отец Бруниса вынужден был покинуть город. Обмотав знамя вокруг тела, он надел чистую рубашку, вскинул на плечо винтовку и ушел в лес. Потом долго скрывался в Риге. И только недавно вернулся в родной город. А знамя Брунис нашел на чердаке своего дома и принес его сюда, чтобы мы, дети железнодорожников, могли перед этим знаменем принять присягу. Потом знамя унесут обратно на старое место, и никто ничего не узнает.

Да, тогда мы еще не понимали, что такие серьезные вещи не для игры. Нам даже в голову не приходила мысль,

что за наше легкомыслие дорого могут поплатиться наши отцы и матери. Но в ту минуту, когда мы, не шевелясь, стояли на темном чердаке, мы не могли все предвидеть...

— Это знамя, ребята, святое!.. — Брунис снял очки и тихо сказал: — Помню, отец как-то говорил матери, что придет время, когда оно снова будет развеиваться над нашим городом.

Из нашей груди вырвался затаенный вздох, всколыхнувший пламя свечей. Ни малейшего шепота, ни малейшего движения, только застывшие в напряженном внимании лица, глаза, полураскрытые губы.

— Слышите, ребята! — снова заговорил Валдис. — Это знамя — знамя революции. — И, немножко помолчав, деловито спросил: — А вы знаете, что такое революция?

— Д-да... — неуверенно ответил Карлис. — Тогда моего деда убили. Мама рассказывала...

— Где? Когда? — спросил его наш славный разведчик Назитис.

— Ну... тогда... в той революции... — заикаясь от смущения, ответил Карлис, но тут же гордо пояснил: — Он тоже был стрелком.

И мы хорошо поняли нашего товарища. А Валдис Цериньш продолжал свою речь:

— Так вот, ребята, сейчас мы примем присягу...

— А девочки? — перебила Валдиса Айна, его соседка по квартире.

— Девочки тоже! — без тени сомнения ответил наш командир.

— Смир-но! — раздалась тихая, но твердая команда адъютанта. — Снять головные уборы!

Правда, последний приказ мы выполнить не могли, потому что головных уборов у нас попросту не было. Пригладив руками взъерошенные волосы, мы застыли по стойке «смирно».

— Слушайте, дети рабочих! — особенно торжественно

произнес Генерал.— Кто клянется нашему красному знамени, пусть поднимет руку!

Поднялись руки — большие и маленькие, чистые и не очень, поцарапанные и потрескавшиеся. На чердаке воцарилась гробовая тишина. Без громких слов мы поклялись бороться с белыми до победного конца. Только Папуас, толстый и круглолицый, с бегающими хитрыми глазками и черными, вечно нечесанными кудрявыми волосами, из-за чего он, очевидно, и получил свое прозвище, стоял с равнодушно поднятой рукой и, блаженно причмокивая, сосал конфету.

— Вольно! — прозвучала команда, и мы опустили руки.

Разведчик Назитис, все время наблюдавший за Папуасом, спокойно спросил:

— Папуас, ты что жуешь?

— Я... н-ничего... — испуганно пробормотал толстяк.— Я... только... конфету...

— Во время принятия присяги?! — В голосе Генерала зазвучали жесткие и насмешливые нотки.— Может быть, малютке предложить еще и соску? Последний раз предупреждаю: не станешь человеком, прогоним как паршивого щенка. Ясно?

— Я-ясно... — заикаясь, ответил Папуас.

А Валдис, откинув назад и пригладив рукой светлые волосы, обращаясь к нам, сказал:

— Хорошо. Можете идти.

— Разойдись! — точно молодой петушок, прокричал Пипин.

И мы гуськом, с протянутыми руками, поминутно ощупывая потолочные балки, направились к выходу. Назитис стоял у люка и, как заправский разведчик, знакомый со всеми законами конспирации, выпускал нас из чердака по одному, чтобы мы не создавали лишний шум. Последним шел Папуас. Добравшись до самого темного угла и спрятавшись за перекладной, он внимательно, с подозрительным любо-

пытством, стал следить за Валдисом и Брунисом, которые остались у знамени. Сначала они завернули красное полотнище в желтый пергамент, а потом еще в голубой платок, наконец взятый Валдисом у матери или сестры. Решив, что Брунис унесет знамя обратно в один из темных вечеров, чтобы не привлечь внимания чужих глаз, ребята засунули сверток под толстую балку, покрытую пылью, и засыпали его песком, стружками и мусором. Погасив свечи, они стали пробираться к выходу. И вдруг протянутая вперед рука Бруниса наткнулась на что-то мягкое. Кто-то негромко вскрикнул. Балдис быстро зажег спичку. Оказалось, что Брунис нечаянно схватил за волосы Папуаса.

— Не рви!.. — со слезами на глазах молил Папуас.

— Зачем ты спрятался на чердаке? — строго спросил Генерал.

— Не мог найти выхода, — соврал Папуас.

И командир, наверное, ему поверил. Подтолкнув Папуаса, он приказал:

— Убирайся, да побыстрее, пока цел!

Папуас рванулся к выходу и кубарем скатился по лестнице. А Валдис и Брунис, не подозревая ничего плохого, спокойно покинули чердак. Они были уверены, что красное знамя спрятано надежно...

Когда наступили сумерки, у мясного магазина встретились двое: круглолицый толстяк Папуас и длинный и кривой, как коряга, Репсис.

— Ну, а дальше что было? — расспрашивал юный Булитис Папуаса.

— А потом Валдис Цериныш и Профессор собрали свой... — вздох рассказывал сын дворничихи, — свой стрелковый полк, с красным знаменем...

— Что? Что ты сказал? — приблизившись к Папуасу, переспросил Репсис, которого эти слова поразили словно молния.

— Ничего я тебе больше не скажу, — хитро взглянув на

командира белых, проворчал Папуас и добавил: — За фунт конфет так много рассказывать не буду.

— Ну черт с тобой! — плюнул Репсис. — Сколько хочешь?

— Килограмм!

— Вот шут гороховый! — снова выругался Буллитис. — Хорошо, завтра получишь.

— А где ты их возьмешь? — недоверчиво спросил Папуас.

— Стяну у отца в лавке, — спокойно пояснил Репсис.

Отец его, Буллитис, торговал не только мясом, но и другими товарами.

— Тогда слушай дальше, — кивнул головой Папуас и продолжил свой рассказ: — Собрали, значит, свой стрелковый полк... Брунис даже знамя принес!

— А ты можешь достать это знамя? — спросил вдруг Репсис. И с издевкой добавил: — Да где тебе!..

— Я не смогу?! Смогу! — Папуас горделиво выпятил грудь. — А сколько заплатишь?

— Сколько захочешь? А ты не врешь?

— Конечно, не вру! — похвалился Папуас. — Дашь один лат, и знамя будет в твоих руках.

Репсис задумчиво почесал затылок, но, очевидно решив, что предателя можно будет перехитрить, пообещал:

— Хорошо. Получишь, но только когда принесешь знамя.

Присев на скамейку, Репсис и Папуас обсудили план боевых действий. Договорились, что завтра после обеда белые нападут на черных и заманят их в парк. А предатель тем временем спрячется во дворе Генерала. Когда начнется бой, Папуас проберется на чердак и, открыв маленькое окошко, сбросит знамя вниз. Сам Репсис в бою участвовать не будет. Когда Папуас сбросит голубой сверток, Репсис выскочит из кустов, схватит его и исчезнет.

— Значит, договорились? — спросил Репсис.

— Договорились! — шепнул в ответ Папуас.

А мы, стрелки полка черных, со спокойной душой легли спать, потому что никому из нас даже и в голову не могла прийти мысль, что нашему знамени угрожает опасность...

...Я замолчал. В костре догорали последние поленья. Над рекой Педедзе уже опустилась ночь. Некоторое время мы молча смотрели на пламя угасающего пионерского костра. Над нашими головами, еле заметная, пролетела летучая мышь. Теплый воздух был напоен ароматом свежего сена. Даже ночью чувствовалось живое дыхание земли.

— До следующего вечера, друзья! — Я улыбнулся ребятам. — Спокойной ночи...

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Знамя украдено белыми

На следующий день, как было условлено с Папуасом, Репсис собрал свое войско. Сынки городского головы и начальника полиции участвовать в сражении на сей раз не смогли, потому что находились под «домашним арестом». К тому же во время Кирпичной войны у одного из них был подбит глаз, а у другого — помяты бока. Репсису пришлось зачислить в свой полк некоторых «мягких»: четверых сыновей красильщика и троих — хромого сапожника. Из солдат императорского войска явились только пятеро — сынок аптекаря, сын кожевника Ешка Радзиньш, отпрыск фотографа и сыновья начальника пожарной охраны — тупые, но крепкие ребята. Природа наделила их большим ростом и физической силой, но обидела умом. Поэтому великаны часто дрались с малышами. Они явились потому, что старшего, по прозвищу Баран, Репсис пообещал назначить временно командиром полка белых. Таким образом, императору удалось собрать дюжину вояк. Своих телохранителей, Типа и Топа, отец которых, тучный простодушный мужчина, служил в мясном магазине Буллитиса, Репсис оставил при себе, на всякий случай.

После обеда белые собрались в просторном дворе Буллитисов. Репсис уже заранее сделал тайный лаз, отодрав от забора две доски. Поэтому белые спокойно, друг за другом проникли во двор и спрятались за сараем. Даже желтоватый цепной пес Терис — сущий зверь — тявкнул только несколько раз.

Открылась дверь большого белого двухэтажного дома, и на его пороге, гордо выпятив грудь, появился худущий нескладный верзила в форме гимназиста. Руки его были засунуты в карманы брюк, фуражка с черным блестящим козырьком залихватски сдвинута на затылок. Насвистывая

какую-то песенку, он прошагал через весь двор и остановился за углом сарая, чтобы дать возможность своим солдатам выстроиться. Это и был император белых. Его недовольный взгляд остановился на бедной одежонке и босых ногах сыновей красильщика и сапожника.

— Хе! — зло усмехнулся Репсис и носком ботинка отшвырнул камешек. — Оборванцы!..

— Смир-но! — прозвучала команда.

Вытаращив глаза и затаив дыхание, перед строем замерли Тип и Топ — оба небольшого роста, отличавшиеся друг от друга только тем, что у Типа волосы стояли дыбом, а у Топы свисали до бровей. Внешне они были похожи на небольшие пузатые бочонки, на которые сверху кто-то положил розоватые кочанчики капусты с маленькими вздернутыми носиками и чуть-чуть косыми глазками, а снизу прикрепил толстоватые ноги.

— Смирно! — еще раз рявкнули телохранители. Видно, Репсис хорошо вышколил их.

К выстроившемуся полку белых медленно, торжественной походкой приближался император Репсис. Дважды прошагав вдоль строя, он остановился против младшего сына сапожника, щелкнул его по лбу и прокричал визгливо:

— Здравствуйте, обезьяны!

— Сла... сла... слава Репсису! — вразнобой, вяло возгласили белые.

Только Тип и Топ старались изо всех сил. Но самолюбие Репсиса было явно задето. Прищулив глаза, он уставился на одного из сыновей красильщика, который не ответил на его приветствие.

«Видали — не хочет меня приветствовать! — подумал Репсис. — А ведь я ему пять сантимов дал».

— Тип! Топ! — сквозь зубы процедил император. — На-

те! — и бросил близнецам по конфете. — Это чучело, — он ткнул пальцем в сторону мальчугана, — не умеет честь отдавать. Ну-ка научите его!

Близнецы, напыжившись, будто они выполняли важное поручение, подошли к пареньку. Один ударил его по правой щеке, другой — по левой.

— Ну, здравствуй, обезьяна! — самодовольно ухмыляясь, крикнул Репсис.

— Сла-ва Реп-си-су! — дрожащим голосом, глотая слезы, ответил сынишка красильщика, но в покорном его ответе послышались злые нотки.

Разъяснив план боевых действий — как лучше заманить черных в парк, — командир белых скомандовал:

— Шагом марш!

И воины Репсиса, выбравшись через лаз на небольшую пыльную улицу, зашагали по ней. А рядом, по тротуару, шел сам Репсис, постукивал прутиком по ботинку и горделиво командовал:

— Айн, цвай! Айн, цвай!

Как только белые появились на улице, разведчик Назитис уже докладывал Генералу, что банда Репсиса в полной боевой готовности направляется в парк. В ту же минуту мальчишки и девчонки, жившие в одном доме с Валдисом Церинышом, разбежались по окраинам Гулбене, чтобы срочно собрать воинов нашего полка. Валдис решил, что белые хотят взять реванш за поражение в Кирпичной войне и попытаются нанести нам неожиданный удар. Через полчаса бойцы нашего полка, вооружившись деревянными саблями, выстроились во дворе дома Генерала. Мы решили опередить белых и первыми напасть на них. Поэтому нужно было немедленно занять позиции в парке. Никто из нас и не заметил, как изменилась физиономия Папуаса, когда он услышал приказ. Выйдя со двора и перебежав улицу Озолу, мы исчезли в парке. Генерал начал размещать наши боевые порядки, каждый получил свое задание, и вскоре за всеми

кустами лежали стрелки черных. Минут через десять вернулся ходивший еще раз в разведку Назитис и доложил:

— Приближаются репсята! Они ползут по кустам вдоль улицы...

Когда мы слышали треск ломающихся веток, к Генералу подполз адъютант Пипин и шепотом сообщил взволнованно:

— Папуас дезертировал!

Валдис ничего не ответил. Нахмутив брови, он стал подсчитывать силы противника, потому что белые один за другим выползали из кустов и, повернувшись к нам спинами, готовились к бою. Они, глупые, думали, наверное, что мы пойдем в наступление со стороны улицы Озолу. А наш полк уже находился у них в тылу и ждал только приказа командира, чтобы нанести молниеносный удар. Но Генерал не торопился и молчал, будто воды набрал в рот.

«Какого дьявола тянуть-то, — удивлялись мы. — Численное превосходство на нашей стороне: белых только двенадцать, а нас шестнадцать...» Но вскоре мы поняли, почему Валдис медлит. Белыми командовал туповатый Баран, а самого Репсиса и его телохранителей Типа и Топа не было. Генерал почувствовал в этом какой-то подвох. Может быть, здесь кроется какая-нибудь военная хитрость? Мысленно прикинув все возможные варианты, он пришел к выводу, что бояться, собственно, нечего.

Чтобы выманить нас из дому, об этом мы узнали после, на улице Озолу нагло резвились двое белых — Ешка Радзиньш и сын фотографа.

— Ерунда!.. — размышляя о своем, сказал Валдис.

Он решил, что Репсис, у которого на поле позавчерашнего боя был подбит глаз, послал свою банду, чтобы отомстить нам. Не знаю почему, но перед самым началом атаки я снова подумал о предателе и дезертире Папуасе.

Наклонившись к адъютанту Пипину, командир приказал:

— Папуаса наказать! Из полка исключить! А теперь начнем!..

Генерал вскочил на ноги. Наши глаза следили за каждым его движением. Он поднял руку. Мы собрались в комок, готовые к броску. Рука Генерала резко опустилась. Зазвучало громкое «Ур-р-ра!», и мы ринулись на белых...

А пока мы лежали в парке, готовясь к атаке, Репсис вместе с Типом и Топом сидели в кустах напротив нашего дома и внимательно наблюдали за чердачным окошком. Ешка и сын фотографа не дождались нашего наступления, и командир белых забеспокоился. У Репсиса стали предательски дрожать руки. Император белых решил, что попал в ловушку...

— Вот свинья, этот чертов Папуас! — свирепо бормотал Репсис, думая, что предатель, получивший сегодня утром килограмм конфет, обманул его.

А Папуас тем временем, забравшись на чердак и пробираясь там в темноте, стукнулся головой о стропила. Всклипывая, он сидел у балки, под которой было спрятано знамя, и разгребал песок. Наконец рука его нащупала заветный сверток. Предатель, выхватив из-под балки пакет, завернутый в голубой платок, бросился к окну и при этом снова стукнулся лбом о балку с такой силой, что даже искры посыпались из глаз. Но голову его сверлила теперь лишь мысль о деньгах, которые ему пообещал Репсис. Охая, он открыл окно и, осторожно высунув голову, стал ждать появления императора белых.

На улице царила тишина... Такая тишина, какая бывает перед бурей. Ешка Радзиньш и сын фотографа ушли в парк. Папуас тихонько свистнул. Из кустов выполз Репсис. Предатель махнул ему рукой. Вождь белых перебежал через улицу. Но как раз в этот миг загремело наше мощное «Ур-р-ра». Полк черных лавиной двинулся в наступление. Репсис испуганно прижался к забору. Выскочили из засады Тип и Топ. До смерти перепуганные белые, не оказывая сопротив-

ления, сломя голову бросились в сторону улицы Озолу. Репсис же опомнился только тогда, когда к его ногам упал голубой сверток с нашим знаменем.

Папуас, высунувшись из окна, заорал:

— Гони деньги! Деньги давай!

— Пошел ты к черту! — огрызнулся Репсис и быстро схватил сверток.

К улице Озолу, будто за ним гналась бешеная собака, мчался полк белых. А мы так и застыли от неожиданности и отчаяния: у дома Генерала стояли Репсис с Типом и Топом, а из чердачного окна что-то кричал Папуас. Вождь белых вдруг замахал над головой голубым свертком и диким голосом завопил:

— Ура! Победа! Знамя черных в наших руках!..

Мы поняли — случилось неслыханное предательство! Папуас отдал наше бесценное красное знамя смертельному врагу! Валдис глухо крикнул:

— Ловите Репсиса! Все за ним!

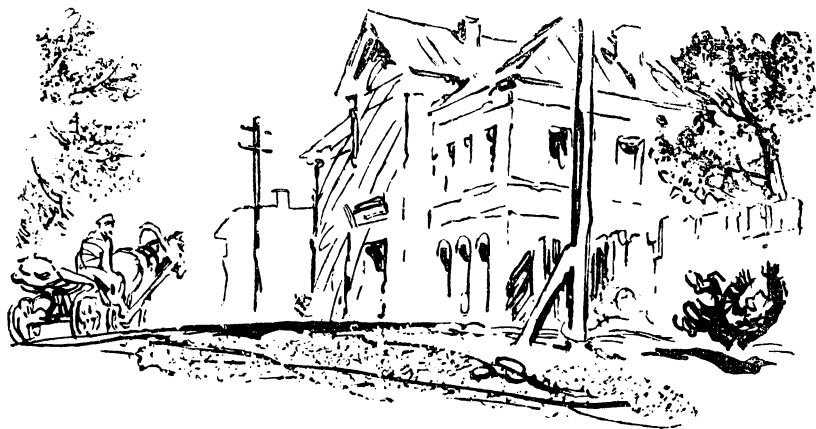
Но это было не так-то легко сделать, потому что белые, опомнившись от нашего неожиданного натиска, стали упорно сопротивляться, или, говоря военным языком, прикрывать отступление своего командира. Наш Генерал рассвирепел — сейчас шла уже не обычная драка, а настоящий бой за знамя, бой не на жизнь, а на смерть.

— Бей белых, не жалея! — закричал багровый от злости командир и бросился вперед.

Вот мелькнула в воздухе тяжелая деревянная сабля, и Баран, охнув, брякнулся на колени, ощупывая здоровенную шишку на голове. А кулак нашего боксера угодил в грудь Ешке Радзиньшу, и тот покатился в канаву.

Досталось и младшему брату Барана — ему попало камешком по спине, и «герой», споткнувшись, зарылся носом в кучу песка на улице Озолу.

А Репсис, видя, что поражение неминуемо, сунул наше знамя за пазуху и бросился наутек. Примеру своего коман-

дира последовали телохранители Тип и Топ. Все трое побежали в сторону базарной площади. Метрах в двухстах позади, прорвавшись через ряды белых, мчался Валдис. Нельзя было медлить ни секунды, и полк черных, оставив разбитое войско неприятеля «на поле брани», бросился вслед за Генералом.

Валдис, который слыл среди нас лучшим спортсменом, уже приближался к Репсису. А тот, поняв, что Цериныш догонит его, на ходу приказал Типу и Топу задержать командира черных. Телохранители, остановившись, загородили Валдису дорогу. Но Генерал не растерялся. Опять поднялась его сабля, и Тип, схватившись за плечо, присел к забору, а Топ, получив удар под ложечку, растянулся на улице, подняв вихрь пыли. Но Репсис уже успел добежать до «Черной бомбы» — известного в Гулбене трактира, у которого обычно занимал «пост» уса́тый, ненавистный всем мальчишкам полицейский Румба. Поскольку он частенько напивался, мы дразнили его, сочинив песенку:

Румба «Бомбу» охраняет,
«Бомба» Румбе наливает!..

Мы надеялись, что Румба, как и обычно, будет под хмельком. Но сегодня полицейский был трезв. Во всем своем вели-

чий он стоял на посту, дожидаясь, наверное, какого-нибудь гуляку, который угостит его. Репсис, задыхаясь, подбежал к полицейскому и, показывая на нас, стал что-то говорить ему: небось жаловался, что черные устроили драку и избивают каждого, кто осмелился появиться на улице Озолу. Румба крикнул, подтянул ремень и неуклюже затрусил навстречу нам. Что делать? Мы остановились. Нельзя же самим бросаться в волчью пасть! Генерал в бессильной злобе кусал губы: проклятие, наше знамя так и останется у Репсиса! Секунду подумав, Валдис решил насолить Румбе.

— Ну-ка побыстрее загородите меня! — приказал Валдис.

Под прикрытием своих воинов он, вытащив из кармана веревку, привязал один ее конец к забору, а другой, протянув через улицу, — к телефонному столбу.

Полицейский, сопя как паровоз, приближался к нашему полку. Мы отбежали от веревки метров на десять и, подогревая атмосферу, запели:

— Босяки! Я вам сейчас покажу! — потрясая кулаком, зарычал полицейский.

Когда блюститель порядка оказался в угрожающей близости, мы бросились бежать.

Румба, пытаясь догнать нас, ускорил шаг. Стуча каблуками подкованных сапог, он бежал, не глядя под ноги: присматривался, кого из нас легче всего поймать. Поэтому усач не заметил веревки, протянутой через улицу.

— Ах, банди... — Румба осекся на полуслове, потому что в этот момент раздался звук лопнувшей веревки. Полицейский, словно клоун, взмахнул руками, как-то нелепо перевернулся и тяжело грохнулся на мостовую.

С головы его слетела и упала в лужу форменная фуражка. Несколько секунд толстяк лежал не двигаясь, потом медленно поднял взлохмаченную голову. Покрасневшие глаза его бессмысленно уставились на остановившихся поблизости белых.

Когда наши бежали от Румбы, остатки разбитого войска белых попрятались в кусты. Но мы промчались мимо, не обратив на них никакого внимания. Поэтому они снова появились на улице как раз там, где упал Румба. Не разобравшись, что случилось, некоторые из белых подошли к полицейскому. А Румба, напав на мокрую фуражку, подскочил вдруг как ужаленный и схватил двух белых за шиворот.

— Ага, негодяи, попались! — победно взревел вспотевший страж порядка. Не теряя времени на лишние разговоры, он потащил обоих пленников в полицейский участок.

А вскоре Ешка Радзиныш и Баран уже сидели за решеткой. Позже отцы их, уплатив штраф, высыпали обоим «героям» ремешка...

Когда мы прибежали во двор, Генерал гневно приказал: — Немедленно арестовать Папуаса!

Профессор и Пипин помчались на чердак. Окно было

раскрыто. Под балкой, где мы спрятали знамя, темнела в песке ямка. Предатель, конечно, успел скрыться. Брунис померк: знамя-то он взял без разрешения отца.

— Что же теперь будет? — пролепетал Профессор упавшим голосом.

Мы молчали. Шутка ли, белые похитили наше знамя, и не какое-нибудь, а настоящее красное знамя!

— Ребята, — сказал озабоченно Валдис, — надо всем нам подумать, надо найти выход из положения. — По его голосу можно было догадаться, что он-то уже обдумывал какой-то план. И мы верили: придет тот день и час, когда знамя снова будет в наших руках! Но скоро ли, этого никто не знал...

Оборванец

Вечером, когда из полицейского участка выпустили наконец Ешку и Барана, в деревянном сарае Буллитиса состоялось совещание белых. Репсис еще утром объявил, что после боя все должны собраться в сарае. Император собственноручно будет награждать отличившихся.

Друг за другом белые потянулись к сараю, одна половина которого была завалена дровами, а другая — пустыми ящиками, большими деревянными и железными бочонками.

В середине с поднятыми вверх оглоблями стояла темно-коричневая лакированная пролетка, гордость Буллитиса-старшего, хотя мясник и намеревался свой гужевой транспорт, включая гнедого рысака, заменить поблескивающим на солнце лимузином.

Репсис пришел в сарай, держа в руке кулек с конфетами. Сыновья красильщика и сапожника, облизываясь, зачмокали губами. Но радость их была преждевременной. Император важно сообщил, что десятью конфетами он награждает героев дня — Ешку и Барана. Остальные получили каждый по пять конфет. Представителям «мягких» — сыновьям кра-

сильщика и сапожника — Репсис выделил только по одному леденцу, чтобы не задирали носы и знали свое место. Кулек с оставшимися конфетами император сунул в карман — не бросать же на ветер такое богатство!

— А теперь,— громко сказал Репсис, повернувшись к поленице и гордо протягивая руку к висевшему там помятому знамени,— посмотрите-ка на это! Это наш трофей! Понятно? Это знамя черных! Теперь вся их банда в моих руках! — При этом Буллитис-младший сжал в кулак свои тонкие пальцы. — А вы, обезьяны, понимаете, что это значит? — визгливо крикнул он. — Это красное знамя! — Зловеще усмехаясь, Репсис подошел к знамени, возле которого стояли навтыяжку Тип и Топ. Восторгу Репсиса не было границ. Его так и снедала жажда мести. — Если я его, — показывая на знамя, прошипел император, — передам полиции, Генерала и Профессора как пить дать посадят за решетку!

На лицах некоторых белых мелькнула тень беспокойства; одни зашевелились, другие что-то проворчали, а сын сильщика, которого командир белых приказал сегодня утром проучить, о чем-то горячо шептался со своими братьями. Они, конечно, думают совсем иначе.

Почти у самых дверей, скрестив на груди руки и прислонившись к бочонку, стоял длинный худощавый подросток, в сером изношенном, много раз латанном пиджаке и стареньких брюках — сын уборщицы в магазине Буллитиса, тихий и замкнутый парень.

В походах белых он не участвовал. Но, услышав от Типа и Топы о знамени черных, незаметно пробрался в сарай. Парень никому из белых не уступал дорогу, поэтому трусоватый Репсис и не прогнал его.

«Пусть слушает! — решил император. — Что он понимает, этот Оборванец!»

Семья Буллитиса называла сына уборщицы Оборванцем, хотя его одежда всегда была чистой и аккуратно залатанной. Вряд ли кто в Гулбене знал его настоящее имя. Мать звали

Кривой Ядвигой, потому что одно плечо у нее было вздернуто к самому уху, а другое опущено вниз. Отца у парня не было. Поговаривали, будто он сидит в тюрьме, а за что — один бог знает. Когда Ядвига с сыном несколько лет назад появилась в нашем городе, жены рабочих судачили о том, что муж ее «политический», а саму Ядвигу покалечили ульманисовские айзсарги¹. Но потом разговоры эти поутихли, а мать и сын нанялись за несколько грошей к Буллитису. Жили они в гараже будущего владельца легковой автомашины.

...Парень стоял неподвижно и, казалось, совсем не вникал в смысл хвастливых слов Репсиса, а все смотрел и смотрел на знамя.

Император вскочил на пролетку, чтобы продолжить свою речь.

— Я... я могу посадить в тюрьму всех этих черных бандитов! — хвастал Репсис, размахивая кулаками и с явным превосходством глядя на всех. — И если нужно будет — посажу!

— Не посадишь! — прозвучал вдруг в тишине чей-то тихий, очень спокойный голос.

Репсис вздрогнул и оглянулся: на него в упор смотрел, прищурив глаза, Оборванец. Император смутился, но, тут же поборов растерянность, пробормотал невнятно:

— Еще и этот грязный Оборванец лезет...

— Замолчи! — вскричал Оборванец.

От возмущения у него перекосилось лицо, задрожали губы, а руки сжались в кулаки. Он сделал шаг в сторону императора. Перепуганный Репсис прыгнул с пролетки и встал между Типом и Топом. Вскочили со своих мест и остальные белые. В сарае воцарилась угрожающая тишина. Наконец сообразив, что сила на его стороне, командир белых выпятил

---

¹ Айзсарги (латышск.) — буквально: охранники — военизированная националистическая организация во времена буржуазной Латвии.

грудь, пытаюсь изобразить из себя человека решительного и смелого.

— Еще и голос повышает, пес вшивый,— поглядывая на своих телохранителей, процедил он сквозь зубы. Потом, сплюнув, добавил: — Что хочу, то и делаю! И эту тряпку отдам... — Рука Репсиса потянулась к знамени.

— Не трогай! — грозно крикнул Оборванец и весь напрыгся, будто готовясь к прыжку.

— Хе-хе! — усмехнулся Репсис и сорвал с пленницы знамя.

И тут произошло вдруг такое, что белые на миг опешили: одним прыжком Оборванец подскочил к Репсису, схватил его за шиворот и вырвал из рук знамя. А сам император отлетел в угол сарая. Стукнувшись головой об ящик, он завопил:

— Тип!

Оборванец на секунду остановился, а потом, со знаменем в руках, направился к двери. Путь ему преградил было Тип. Но и телохранителя постигла участь командира: нелепо взмахнув руками, толстяк перелетел через чурбан для колки дров. В тот же момент на Оборванца сзади накинулся Топ и ударил его ребром ладони по шее. От неожиданности Оборванец пошатнулся, зацепился за порог и упал. На него медведем навалился Топ. Убедившись, что опасность ему не угрожает, к Оборванцу подскочил и сам император. С перекошенным от злобы лицом он склонился над поверженным противником.

Оборванец сделал попытку вырваться, но его цепко держали Тип и Топ. А император, улучив момент, ударил Оборванца в лицо.

Оборванец застонал, прижав к груди знамя. А Репсис в дикой злобе носком ботинка дважды пнул его в бок и снова в лицо. Из носа и перебитой губы Оборванца потекла кровь.

Репсис вырвал у него знамя и отбежал к карете, а тело-

хранители выволокли Оборванца из сарая. Потом Топ поспешно запер дверь.

И опять в сарае воцарилась тишина. Репсис, прижав длинный нос к дверной щели, наблюдал за Оборванцем, который, отряхнувшись, вытер серым платком лицо и, бросив взгляд на запертую дверь, медленно направился к воротам.

Репсис сложил знамя, небрежно завернул его в бумагу, потом в голубой платок и сунул сверток между дровами.

— Пусть гниет! — злобно прошипел он. — Когда нужно будет, вытащу. А если черная банда не будет ходить передо мною на задних лапках, отнесу в полицейский участок...

И тут, будто вспомнив что-то, император взял кулек с конфетами, сунул туда руку и, вытащив два леденца — награду за проявленное мужество, — протянул их Типу и Топу. Потом открыл двери сарая и сердито закричал:

— Ну-ка выметайтесь отсюда!

Белые покинули сарай, вылезли через щель в заборе на улицу и разбежались по домам, а Тип и Топ умело заделали лаз.

Репсис же, спрятав в сарае кулек с конфетами, поплелся через двор домой. А бессильная злоба все еще кипела в нем. Император шептал яростно:

— Ну погоди, Оборванец несчастный, я еще покажу тебе, где раки зимуют.

Назitis в плену!

Размышления Репсиса прервала большая желто-рыжая собака, которая, как хвастался сам папа Буллитис, была помесью бульдога и овчарки. Трудно сказать, почему это произошло, но, когда Репсис проходил мимо нее, она рванулась на цепи, оскалила пасть с острыми клыками и с глу-

хим рычанием бросилась на хозяйского сынка. Но цепь выдержала рывок, и пес, взыв от боли, перевернулся на спину. Наверное, у Териса — так звали собаку — были веские причины ненавидеть Буллитиса-младшего.

Репсис, не зная, на кого обрушить кипевшую в нем злость, схватил прислоненный к забору кол и осторожно приблизился к Терису. За спиной своего командира, на почтительном, правда, расстоянии, пристроились Тип и Топ. Репсис взмахнул колом и ударил рвавшуюся на цепи собаку. Терис заскулил, а потом снова попытался броситься на своего мучителя.

— Терис, Терис, ко мне! — торжествующе гоготал Репсис.

Разозленный пес, ощерившись, приготовился к новому прыжку. Вовремя заметив это, командир белых быстро убежал в сторону. Собака бросилась на него и, опять перевернувшись в воздухе, хлопнулась о землю.

— Ха-ха-ха! — гоготал Репсис.

Он сунул кол к самому носу несчастного пса. Терис оскалился, подпрыгнул, схватил кол и начал дергать его, пытаясь вырвать из рук Репсиса. Это произошло так неожиданно, что император, потеряв равновесие, растянулся на земле. Терис, злобно рыча, тут же бросился на него. До смерти перепуганный Репсис дико завопил: перед его глазами мелькнула красная, широко раскрытая пасть и лязгнули огромные острые зубы. Но Репсиса спасла все та же короткая цепь: Терис не смог дотянуться до своего мучителя. Репсис, дрожа как в лихорадке, поднялся на ноги, отряхнулся, потом исподлобья посмотрел на Типа и Топу. Телохранители преданно взирали на императора. Но Репсис лишь злобно прошипел:

— Ч-че-го уставились, лапотники?

Заметно стемнело. Репсис было повернулся, чтобы идти домой, но тут же остановился, изумленный: в самом темном углу двора он вдруг заметил сверкнувший на миг луч света.

Император подал знак Типу и Топу, чтобы они следовали за ним, и вся тройка, осторожно ступая на цыпочках, медленно приблизилась к забору, в щели которого мелькнул огонек и откуда доносился еле слышный, взволнованный шепот.

Присев на корточки и прижав уши к забору, белые прислушивались, сдерживая дыхание. Почти то же проделали с другой стороны забора и двое черных — разведчик Назитис и адъютант Пипин. Противников разделяли лишь тонкие доски. Но вот черные снова зашептались.

— Знамя спрятано в сарае. — Это шептал Назитис. — Сын красильщика сказал, что Репсис засунул его между поленьями... Я полезу через забор, а ты оставайся на карауле!

Репсис жестами показал Типу и Топу, что им нужно занять более выгодные позиции, вытащил зачем-то из кармана платок и свернул его жгутом. Потом приказал Топу снять пиджак — его надо будет быстро накинуть на голову тому, кто перелезет через забор. Тем временем шепот за забором утих, послышалась какая-то возня: это Назитис забрался товарищу на плечи и ухватился руками за край забора. Подтянувшись, разведчик оглядел темный двор, не заметил ничего подозрительного, потом перекинул через забор ногу, затем вторую и прыгнул...

В ту же минуту раздался приглушенный крик. Схватка была короткой. Назитису быстро заткнули рот кляпом — носовым платком, а на голову накинули пиджак Топа. Отчаянный разведчик черных вскоре лежал животом на траве. Тип, усевшись мычавшему Назитису на спину, связал ему поясом руки, а Топ — ноги... Потревоженный шумом, опять сердито залаял Терис.

— Назитис! — прижав лицо к забору, испуганно крикнул адъютант Пипин. — Что случилось?

— Хе-хе-хе! — громко рассмеялся в ответ Репсис. — Твой Назитис попал в мои руки! Молись-ка за него богу, лапотник!

— Хо-хо-хо! — угодливо загоготали Тип и Топ, выражая этим свое восхищение императором.

Адъютант так и застыл от удивления и испуга, но, опомнившись, бросился наутек. Кратчайшим путем мчался он в штаб черных — на квартиру Генерала...

Репсис открыл дверь сарая и махнул рукой телохранителям. Схватив пленного Назитиса за руки и за ноги, Тип и Топ, пыхтя и сопя, втащили его в сарай и бросили на опилки. А император тем временем вытащил из поленицы знамя, завернутое в бумагу и платок, подошел к разведчику и злорадно помахал перед его глазами небольшим, но дорогим для всех черных свертком:

— Смотри, лапоть, вот оно, знамя твоего полка! — На лице Репсиса появилась злая ухмылка. — На, понюхай! Теперь не видать тебе его как своих ушей! — Он ткнул свертком в лицо Назитису, лягнув его при этом ногой, и, уже закрывая дверь сарая, крикнул: — Завтра будем тебя судить!

Вот так наш храбрый Назитис попал в плен...

Будто подгоняемый ветром, во двор Генерала влетел адъютант Пипин. Одним махом взбежав на второй этаж и чуть не споткнувшись о порог, он, задыхаясь, ворвался в квартиру Церинышей.

Мы с Валдисом играли модельными фигурками в шахматы, и Генерал уже собирался поставить мне мат.

— Ва...Валдис!..

Мы вздрогнули от неожиданности и, оглянувшись, увидели взмокшего, тяжело дышащего адъютанта.

— Что случилось? — вскочил на ноги Генерал, предчувствуя беду.

— На...Назитис... Назитис... по...попал... — задышавшись, выдавил наконец Пипин, — попал в плен!..

— Где?

— Во дворе Репсиса!

— Пошли! — вскричал Валдис.

Мы бросились на улицу. Дорога была каждая минута. Даже двери квартиры остались открытыми. И когда из кухни вернулась мать Генерала, неся в руках миску с ячневым супом, она увидела в комнате лишь два пустых стула да грязные следы, оставленные нашим адъютантом.

По дороге Пипин рассказал нам, что произошло. Вечером, когда уже стемнело, они с Назитисом прогуливались где-то на окраине города, надеясь встретить кого-нибудь из тех «мягких», что сегодня сражались на стороне белых. Им повезло — они столкнулись с младшим сыном красильщика. А точнее говоря, он сам искал черных. Увидев Назитиса и Пипина, он заявил, что хочет поговорить с ними. Все трое удалились в укромное местечко, и «мягкий» рассказал, что возвращается с совещания белых, которое провести до конца не удалось. Репсис стал хвастать украденным у черных знаменем, грозился всех «лапотников» посадить за решетку. Но неожиданно вмешался Оборванец, который попытался было отобрать знамя у Репсиса. Ему это не удалось. Император вместе с Типом и Топом здорово

избили Оборванца. А знамя Репсис спрятал в сарае между дровами.

Назитис попытался на радостях всучить «мягкому» три сантима за ценные сведения, но тот отказался от денег, сказав, что он оказывает услугу черным, желая свести с Репсисом кое-какие личные счета.

Назитис и Пипин, не теряя времени, тут же направились к дому Буллитиса. Минут десять они пролежали на картофельном поле, за сараем, готовясь к «операции». Они слышали, как во дворе мясника заливалась лаем собака. Потом все затихло. Разведчик решил проверить, не перегорела ли лампочка в его карманном фонарике. Все было в порядке. И тогда Назитис смело полез через забор. Но по другую сторону забора, словно все предвидя, Назитиса захватил Репсис со своими телохранителями...

— Вы что ж, фонариком светили? — сурово спросил Валдис.

— Да всего один разок и посветили, — смутившись, ответил Пипин.

— Эх, вы! — рассердился Генерал. — Соображать надо! — И он постучал себя по лбу. — После совещания Репсис с Типом и Топом еще находились во дворе, вот они и заметили свет фонарика. Подошли, конечно, к забору и подслушали ваш разговор. А потом притаились и стали спокойно ждать, когда через забор перелезет кто-нибудь из вас. Ну, а уж троим взять в плен одного совсем не трудно.

Что мог возразить Пипин на это? Мы с ним только — в который уж раз — подивились железной логике нашего Генерала.

Вдоль забора, окружавшего дом императора, крались в темноте три едва заметные, согнувшиеся фигуры. Через некоторое время они остановились, прислушиваясь к каждому шороху, а потом снова продолжали свой путь. Было довольно поздно, жизнь в городе затихала. Только в окнах

домов на Рижской улице горел свет. Наверное, почуяв чужих, тявкнула собака. Трое крадущихся застыли как вкопанные.

— Черт возьми! — тихо выругался Валдис.

Он почесал затылок и вопросительно посмотрел на нас. Я пожал плечами, а Пипин, имея в виду Териса, сказал сердито:

— Надо заткнуть этой твари глотку!

— Правильно! — воскликнул вдруг Валдис и от восторга хлопнул себя ладонью по лбу.

Я и адъютант с недоумением уставились на своего командира.

— Что правильно? — спросил я.

— «Что, что!» — передразнил Генерал. — Надо заткнуть ему глотку, вот что!

Сказав это, Валдис принялся торопливо рыться в карманах, откуда извлек вскоре несколько сантимов. По его требованию мы тоже отдали свои гроши.

— Что это ты задумал? — пытались мы разузнать планы командира, но он только досадливо махнул рукой.

— Подождите, я сейчас вернусь!

— Куда же ты?

— За тем, что поможет заткнуть собаке глотку! — Валдис улыбнулся и быстро зашагал вдоль забора... к магазину Буллитиса.

Жадный лавочник в предпраздничные дни торговал обычно до полуночи, а поскольку приближалась троица, то магазин его был открыт. А мы с Пипином смотрели вслед удаляющемуся Генералу, ничего не понимая. Что он затеял? И когда Валдис открыл дверь магазина, адъютант прошептал потерянно:

— Ну совсем свихнулся!..

— Добрый вечер, господин Буллитис! — вежливо произнес Валдис, быстрым взглядом окинув лавку.

А Буллитис, вспомнив, наверное, про Кирпичную

войну, исподлобья взглянул на Генерала черных и зло буркнул:

— Что нужно?

— Дайте, пожалуйста, фунт самого дешевого мяса и... катушку ниток! — выпалил Генерал.

Лавочник с брезгливой гримасой, нехотя взвесил мясо, швырнул его на прилавок и положил рядом с ним катушку ниток...

А еще через несколько минут Пипин, опустившись на колени, обеими руками держал купленный Генералом кусок мяса, а сам Валдис быстро обматывал его ниткой.

— Валдис, а для чего ты мясо ниткой обматываешь? — внимательно следя за действиями своих товарищей, снова спросил я своего командира.

А он усмехнулся и сказал:

— Неужели не понимаешь? Да это же кляп, чтобы Терису глотку заткнуть.

— А как ты ему глотку заткнешь? — допытывался я.

— И я тоже не совсем понимаю... — чистосердечно признался Пипин.

— Потерпите — сами увидите! — закончив свою работу, сказал Валдис.

Забравшись на забор, мы оглядели двор Буллитиса, потом осторожно перебрались на крышу навеса, под которым хранился какой-то товар.

Валдис дошел до противоположного края и стал звать тихонько:

— Терис, Терис, на, на!..

В ту же секунду из будки, рыча и звякая цепью, выскочил разъяренный пес Буллитиса. Когда он раскрыл свою страшную пасть, чтобы залаять, наш командир бросил к самому носу Териса приготовленный кляп. Почувяв запах мяса, проголодавшийся пес жадно схватил его. И тут вдруг случилось что-то неожиданное и странное: большой кусок мяса застрял у Териса в пасти — нить, наверное, зацепилась за

зубы, и пес никак не мог проглотить мясо или освободиться от него. Терис лег на живот, пытаясь лапами избавиться от кляпа. Но это ему не удалось. Мы же с Пипином от удивления только покачали головами, восхищенные великой мудростью нашего Генерала.

Но время шло, Терис вот-вот освободится от кляпа. Валдис и Пипин, спрыгнув с навеса, подбежали к сараю и осторожно открыли дверь. Я остался на страже.

— Назитис! — тихо позвал командир.

— М-м... — промычал несчастный пленник.

Генерал шагнул вперед, нагнулся и вытащил изо рта нашего разведчика платок Репсиса. Назитис, к которому вернулся дар речи, прошептал:

— Ноги... Ноги...

Но их уже развязывал Пипин, а Валдис освободил Назитису руки. Наконец-то отважный разведчик обрел свободу. Он вскочил на ноги и принялся прыгать и размахивать руками, разминая онемевшие суставы.

— А знамя? Знамя где? — забыв про осторожность, крикнул Генерал.

— Репсис унес... — упавшим голосом ответил разведчик.

— Как «унес»? — закричал Валдис.

— Ну взял знамя и унес, — опустив голову, пробурчал Назитис. — Перетащил в другое место.

Ох и ругался же Валдис! Ни разу еще мы не слышали, чтобы он так ругался. Но беде ничем нельзя было помочь. И, горя желанием хоть как-то насолить Репсису, Валдис вынул из кармана толстый карандаш и на дверях сарая большими буквами написал:

Тот день придет, тот час наступит,
Когда мы Репсиса отлупим!

Друг за другом перелезли мы через забор. А Терис, повизгивая, все еще пытался освободиться от странного куска мяса.

Минут через десять мы уже сидели дома и, выслушивая

сердитые нарекания матерей за наши слишком уж поздние прогулки, поглощали свой скудный ужин.

Наш Генерал с олимпийским спокойствием жевал кусок черного хлеба, прихлебывая давно остывший ячневый суп. Мать его мыла в кухне посуду и ворчала что-то о вечных проделках сына, которые становятся просто невыносимыми, не видать им ни конца ни краю. Но Валдис пропускал эти сетования мимо ушей. Матерям нашим было невдомек, какой героический подвиг совершили в этот вечер их сыновья. Валдис улыбался: завтра, когда торжествующий Репсис откроет двери сарая и не увидит пленного разведчика черных, он непременно лопнет от злости. Но окончательно добьет Репсиса надпись на дверях, которую даже некоторые белые прочтут с затаенной усмешкой.

„Казнен за предательство!!!“

Наступил наконец и день, когда мы свершили суд над предателем Папуасом, подло похитившим наше красное знамя. Много раз мы пытались поймать хитрого толстяка, но Папуас всегда выскальзывал из наших рук; на окраинах он не появлялся, изредка ходил только по центральным улицам или же отсиживался дома.

Некоторые из нас жили в одном доме с Валдисом Цериньшем. И вот все мы терпеливо и настойчиво стали выпрашивать у матерей разрешение ночевать в сарае, на свежем сене, которое наши отцы по воскресеньям косили для коз. Козы имелись почти в каждой семье железнодорожника — как-никак, а стакан молока в день можно было надоить.

Когда мы, поужинав и взяв с собой одеяла и подушки, перебирались на ночлег в сарай, в нашем распоряжении была теперь и ночь. Часто мы не засыпали до самой зари: обсуждали разные планы, а иногда по двое, по трое отправ-

лялись в центр города на разведку. Если на Спáрите — так называли горожане один из красивейших островков в парке — устраивались «балы на лоне природы», наши разведчики шныряли и здесь.

Однажды утром Назитис все-таки подстерег Папуаса: вооружившись метлой и совком, толстяк шел убирать базарную площадь. Наверное, мать подняла лентя из теплой постели и выгнала на улицу: надо же сыночку привыкать к труду! Как только Валдис узнал об этом, у него сразу же возник план: поймать предателя и судить его в самом центре города — на базарной площади!

Приближался иванов день. А накануне каждого праздника в Гулбене проводилась ярмарка. На нее приезжали не только из ближайших волостей, но и из соседних уездов. В такие дни базарная площадь была переполнена толстыми тетками и усатыми дядьками — местными хозяевами, которые торговали всем, что только можно было продавать и за что платили деньги. По утрам здесь хрюкали поросята, блеяли овцы, мычали телята; а к вечеру горланили песни подвыпившие кулаки, визжали городские девки и лениво переругивались хозяйки.

Ночь перед открытием ярмарки наш полк бодрствовал. Все, кому удалось выскользнуть из дому, собрались на углу парка, неподалеку от «Черной бомбы». Когда мы покидали сарай, Валдис прихватил с собой веревку и... лопату нашего дворника. Зачем понадобилась лопата, мы так и не поняли. Но выяснять это не было времени. Одно только было ясно — мы должны сурово наказать предателя Папуаса.

Назитис и Пипин отправились на разведку. Вскоре со стороны базарной площади раздалась трель жаворонка. Это Назитис подавал нам условный сигнал. Путь был свободен! Если б нам угрожала опасность, то прозвучал бы крик совы. Мы направились к «центру мира», как называли в Гулбене обширную площадь с многочисленными лавками торговшей.

Генерал не забыл разместить и охрану — на каждом углу по стрелку.

Оглядываясь, мы зашагали к базарной площади, туда, где, не известно для каких целей, был вкопан толстый и длинный столб. Обычно цыгане привязывали к нему, напоказ, своих лошадей. Мы принялись копать у столба яму. Дело это было нелегкое, потому что земля вокруг столба была плотно утоптана ногами многих сотен людей. Первым копал Валдис. Минут через десять его сменил Боксер, обладавший силой Лачплесиса¹. А когда мы сняли верхний слой, земля стала мягче. Теперь лопатой мог легко орудовать даже маленький, энергичный Пипин. Работали мы яростно, и подгонять не надо было. Наконец нужной глубины яма была выкопана.

Закончив работу, мы попрятались в пустых еще ларьках, потому что стало совсем светло. Занял свой наблюдательный пост и Назитис: забравшись на крышу киоска, он распластался там на животе. Время тянулось бесконечно долго. И вот раздался какой-то шум: это Назитис дополз до края крыши и кубарем скатился вниз.

— Идет!.. — взволнованно доложил он Генералу.

Мы облегченно вздохнули: значит, наша ночная работа была ненапрасной. Близился час расплаты с предателем.

Прильнув к щелям в стенах ларьков, мы наконец увидели Папуаса. С метлой в руках, сонный и хмурый, он принялся обходить базарную площадь, подбирая под длинными столами бумагу и прочий мусор. Потом, почесав затылок и зевнув, вдруг остановился у выкопанной нами ямы, заглянул в нее, зачем-то палкой померил глубину и недоуменно пожал плечами.

А мы, покинув свои убежища, крадучись, стали прибли-

---

¹ Л а ч п л е с и с — богатырь, герой одноименного латышского национального эпоса.

жаться к Папуасу. Предатель, поразмышляв бесплодно над тем, для чего в центре площади вырыта яма, махнул рукой, повернулся и — остолбенел! Его окружило плотное кольцо черных. Папуас побледнел. Вымученно улыбнувшись, он пролепетал еле слышно:

— А д-для чего яма-то, ребята, а?

— Руки вверх, предатель! — грозно крикнул Генерал.

— Я н-н-не виноват... — заикаясь, попытался было оправдаться Папуас. — М-меня Репсис обманул... Честное слово! Так и не дал обещанный лат... — И тут Папуас осекся, потому что, сам того не желая, признался в предательстве. Выпалил от страха не то, что нужно.

За один лат продал наше знамя! Мы были готовы растерзать предателя! А Генерал сказал спокойно и твердо:

— Слушай, предатель: за измену, за то, что похитил красное знамя, черные приговорили тебя к позорной казни...

— Не трогайте меня! — завопил Папуас. — Я буду кричать!..

— Заткнуть ему рот! — приказал Валдис.

Приказ Генерала был мгновенно выполнен: Папуасу заткнули рот тем самым платком Репсиса, который в свое время был пущен в ход против нашего Назитиса. Предателя подтащили к яме. Вперед выступил наш командир, слева от него стал адъютант Пипин, а справа — разведчик Назитис. Полк черных застыл в торжественном строю. А Генерал громко прочитал приговор:

— «Суд полка черных приговаривает бывшего стрелка, предателя Папуаса, к суровому наказанию: он будет привязан к позорному столбу и до колен закопан в землю. Приговор привести в исполнение немедленно!»

Отчаянно дрыгавшегося Папуаса Боксер с Актером опустили в яму, а руки привязали к столбу. В яму посыпалась земля. Когда приговор был исполнен, Генерал приклеил к

столбу лист бумаги, на котором было написано: «Казнен за предательство!!!»

Как-то незаметно над городом собрались тяжелые грозовые облака. Загремел гром, полил дождь. Черные взлохмаченные волосы Папуаса вмиг стали блестящими и гладкими, словно их залили варом. По его ошалелой физиономии струйками стекали капли дождя вперемешку со слезами.

— Вот что, предатель,— сказал напоследок Валдис.— Когда тебя освободят мать или торговки, приказываю молчать! Если скажешь хоть слово, пострашнее накажем. Понял?

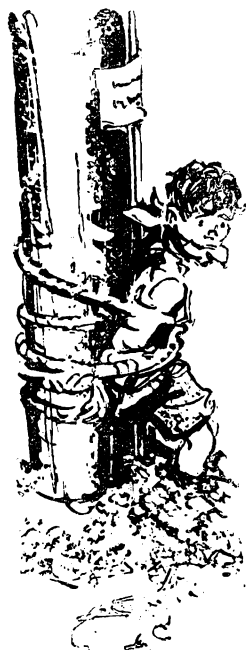
Папуас, громко всхлипывая, кивнул головой.

— Разойтись! — скомандовал Валдис.

— Разойтись! — повторяя приказ, затрубил на всю площадь адъютант Пипин.

Мы разошлись, точнее, разбежались по домам, потому что на улицах уже появились первые прохожие.

Дождь кончился. Некоторое время базарная площадь пустовала. Потом на ней, весело помахивая хвостом, показалась пестрая собачонка. Услышав приглушенные стоны, она засемила к стол-

бу, затем, смешно свесив голову набок, уставилась на Папуаса и тявкнула, выразив этим свое изумление. Приблизившись к казненному, она деловито обнюхала его и затрусила дальше, по каким-то своим собачьим делам.

Но вот, нагруженная мешочками и корзинками, на базаре появилась Лавиза Спáлите, которую знал весь Гулбене. Она торговала всем, что только можно было собрать на лугах и в лесах; даже весной у нее были в продаже и клюква, и соленые грибы, и липовый чай, и сушеная черника. В это утро она несла в одной из корзинок раннюю землянику, поверх которой лежали собранные накануне черные сморщенные грибы. В наших краях их называют сморчками.

Лицо Лавизы было озарено победной улыбкой, потому что она была на базаре первой, и единственное, самое лучшее место, как она считала, еще не было занято. Поэтому Лавиза, пыхтя, шла к центру базарной площади. Но, как говорится, несчастье приходит неожиданно-негаданно. Дорогу ей перебежала, правда, не черная кошка, а всего лишь пестрая собачонка, но на всякий случай Лавиза трижды сплюнула через левое плечо. А сердце ее дрогнуло в предчувствии неминуемой беды. И действительно, в центре площади она вдруг увидела человека, привязанного к столбу! Руки и ноги у Лавизы внезапно онемели, корзинки и мешочки попадали

на мостовую, во все стороны посыпались земляника и сморчки, а Лавиза, придя в себя, помчалась прочь от столба. Убегая, она размахивала руками и безмолвно шевелила губами — слова от испуга застряли где-то в горле. И лишь на прилегающей к базару улице торговка обрела голос и дико завопила:

— Человека убили, люди добрые, человека убили!..

Продолжая бежать, она со всего маху налетела на мать Папуаса, которая решила проверить, почему это вдруг задерживается ее чадо.

— Что такое, что случилось? — остановила торговку не на шутку встревоженная дворничиха.

— И не говори! — еле переводя дыхание, выпалила торговка. — Убийство!.. Повесили человека! Своими глазами видела — еще шевелился...

— Да где же это? Говори толком!

— Идем, покажу... — И торговка, схватив мать Папуаса за руку, потащила ее на базарную площадь.

Истово крестясь, они боязливо приблизились к столбу. Остановившись на почтительном расстоянии, Лавиза показала дрожащим пальцем на привязанного к столбу человека. Всмотревшись, дворничиха узнала в нем сына!

С криком ужаса она бросилась к нему:

— Сыночек! Ты жив, сыночек дорогой!..

— М-мм... — вытаращив глаза и мотая головой, мычал Папуас.

— Лавиза, Лавиза, помоги мне скорей! Да скорее же!

Женщины руками разгребли землю, отвязали толстяка и с трудом вытянули из ямы.

Когда мать вытащила у Папуаса изо рта носовой платок Репсиса, на все ее расспросы он только кивал головой. У предателя, наверное, еще звучали в ушах слова Генерала о более страшном наказании, если он только посмеет хоть словом обмолвиться о случившемся. Папуас

хорошо знал, что с черными шутки плохи. Поэтому он, ничего не сказав потрясенной матери, молнией умчался с базарной площади домой.

— Бедняжка! Наверное, речь потерял!.. — вскричала Лавиза и вдруг заметила приклеенную к столбу бумагу...

А часом позже базар бурлил, потрясенный новостью, которую поведала госпожа Спалите. И, как это часто бывает, новость обрастала, точно снежный ком, все более и более страшными и невероятными подробностями. Рассказывали уже о каком-то волосатом и бородатом верзиле, который был по шею закопан в землю и цепями прикован к большому столбу, а безумно храбрая Лавиза, думая, что в беду попал честный человек, освободила его. Но потом выяснилось, что вызволенный Лавизой верзила — грозный разбойник. И теперь все честные люди должны беречь свои кошельки и жизни. Многие в этот день подходили к столбу на базарной площади, качая головами, разглядывали вырытую у столба яму, а потом вслух читали выведенную на листке бумаги надпись:

КАЗНЕН ЗА ПРЕДАТЕЛЬСТВО!!!

На этом я закончил свою вторую историю. И снова на берегу Педедзе воцарилась тишина, снова лагерь окутала теплая ночь...

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Знамя в надежных руках

Городок окутал темный дождливый вечер. Где-то лаяла собака, изредка слышались шаги запоздалых прохожих, а на станции прогудел последний поезд. Из белого кирпичного дома, окруженного чугунной изгородью и большим садом, раздавались песни, женский смех и звон посуды. Во всех окнах горел яркий свет. Одно из них было распахнуто, оттуда неслись звуки радио — гремели, нарушая покой горожан, воинственные марши. Начальник гулбенской полиции праздновал именины.

Полоса света, падая из окон особняка, где происходило веселье, высвечивала угол стоявшего напротив двухэтажного дома Буллитиса, жестяную водосточную трубу и высокий кирпичный забор, примыкающий к зданию. Если бы один из редких прохожих присмотрелся, то на фоне ночного неба он мог бы увидеть, как по забору, раскинув руки, медленно движется темная фигура. Человек очень ловко, лишь иногда покачиваясь, но твердо удерживая равновесие, добрался до освещенного угла дома Буллитиса, обхватил руками водосточную трубу и стал карабкаться вверх. Под жесткими пятками босых ног заскрипело железо. Быстро и ловко человек добрался до крыши. Тонкие цепкие пальцы ухватились за край металлической канавки для стока воды. Слегка покачиваясь, отважный незнакомец повис в воздухе, а потом, перебирая руками по канавке, продвинулся метра на три влево и забрался на черепичную крышу. Осмотревшись во круг и кинув пристальный взгляд на улицу, человек выпрямился. Лицо его было прикрыто черной маской. Но по фигуре можно было догадаться, что это подросток.

Очень осторожно ступая по черепице, он направился к небольшому четырехугольному окошку чердака. Сквозь серые от пыли стекла пробивался желтоватый тусклый свет.

Одно стекло было выбито. Человек просунул в отверстие худую руку, бесшумно снял крючки, открыл окошко и ловко и быстро, словно тень, исчез в оконном проеме.

У раскрытого деревянного сундука, держа в руке толстую стеариновую свечу, стоял Репсис, а рядом с ним — верные Тип и Топ. Моргая глазами, телохранители восторженно рассматривали сокровища императора. В одном углу сундука возвышалась груда разных гвоздей, болтиков, несколько жестяных коробок от монпансье, мешочек с конфетами; в другом углу лежали деревянные пистолеты, два пугача, несколько перочинных ножей, рожок от велосипеда, полицейский свисток, широкий солдатский ремень, рядом — блестящая игрушечная сабля, какая-то форменная фуражка, круглые камешки, железные трубки. А посередине покоился голубой сверток — знамя черных стрелков.

Пока мать и отец веселились на именинах начальника полиции, Репсис решил в спокойной обстановке произвести генеральную ревизию своих сокровищ. Неторопливо перебирая их, он вдруг выдернул руку из ящика, словно ее обожгло. Репсис наткнулся на сверток со знаменем черных, которое он похитил с помощью Папуаса, а теперь не знал, что с ним делать! Отнести знамя в полицию он боялся: Репсис хорошо понимал, что всех черных за решетку не засадишь, а оставшиеся на свободе в удобный момент не моргнув глазом крепко дадут ему по шее и сделают это так, что все будет шито-крыто... У императора даже мурашки побежали по коже. Осенью, когда он покинет этот проклятый городишко и поедет в Ригу к дяде, чтобы поступить в столичную гимназию, тогда можно будет, конечно, выкинуть и свой козырь — отнести знамя в полицейский участок и сказать, чтобы побыстрее упрятали в тюрьму всех генералов и профессоров черных. После этого Юрис Буллитис, посвистывая, сядет в новый лимузин, который, наверное, к тому времени купит отец, гордо скажет: «Прощай, провинция!» — и смело пойдет навстречу своему славному будущему. Новоявленного

патриота из латвийского захолустья с распростертыми объятиями встретят в лучших гимназиях Риги. А потом — университет, веселые парни из студенческой корпорации...

В Гулбене он приедет только тогда, когда станет министром. Репсис не сомневался, что так оно и будет, потому что уж его-то кошелек никогда не отощает, а за звонкие латы можно купить все, даже такую мелочь, как министерский портфель.

По гулбенским улицам с висящей на животе золотой цепочкой для часов будет прохаживаться министр Буллитис, никого не боясь, потому что рядом с ним в новенькой форме будут шагать телохранители с револьверами на поясах. А эти лапотники, черные, изнемогая от зависти, согнутся в три погибели, чтобы смахнуть пыль с блестящих ботинок высокого гостя.

Репсис долго еще мечтал бы, если б его путешествие в будущее не прервал еле слышный шорох, который вернул императора с небес на землю. Его беспокойный взгляд скользнул по чердаку. Тип и Топ, тараща глаза, тоже пытались разглядеть самые темные уголки чердака. Но никто из них и не заметил, что на балке, прямо над их головами, появились чьи-то ноги. Нет, на чердаке по-прежнему тихо...

Репсис облегченно вздохнул. Из груди близнецов тоже вырвался вздох облегчения.

— Ну-ка смотрите, бочонки! — обратился к телохранителям император, держа в руке голубой сверток. — Это знамя надо спрятать в надежном месте... — Он начал шарить по сундуку, передав свечу Топу. — Здесь держать его опасно. Черные станут лазать по чердаку и найдут его. — Тут Репсис снова сунул руку в свою сокровищницу и вытащил вдруг красивую финку. — Спрячьте знамя так, чтобы его сам черт не нашел! Сохраните мне знамя — вот эту финку подарю! — заявил император и поднял нож, словно хотел подразнить близнецов.

И вдруг сверху быстро протянулась чья-то рука, финка

вмиг оказалась вырванной из рук Репсиса, а с балки спрыгнул незнакомец в черном плаще и черной маске.

— Ни звука! — грозно сказал он. — Иначе... — И в руках его выразительно сверкнула пресловутая финка императора белых.

Репсис и его телохранители были перепуганы до смерти: лица их побледнели, губы тряслись, а у императора к тому же зубы стали выбивать частую дробь.

— Знамя!.. — прорезал тишину резкий приказ незнакомца.

Будто сама собой поднялась дрожащая рука Репсиса, в которой было зажато завернутое в платок знамя. Человек в маске цепко схватил сверток.

— Стоять на месте, пока я не исчезну! Поняли? — чеканя каждое слово, приказал незнакомец. — А не то... — И он опять помахал финкой перед носом Репсиса.

— И-и-ик! — вместо ответа громко икнул император.

Коротким ударом человек в маске выбил из рук Топа свечу. В темноте еще отчетливее стало видно раскрытое чердачное окно, которое на миг заслонил силуэт незнакомца...

А на чердаке, точно изваяния, долго еще стояли трое белых — икающий от страха и неожиданности император и его телохранители.

На следующее утро почтальон, встретив на улице Валдиса Цериныша, протянул ему письмо.

Опешивший Генерал повертел в руках конверт. На конверте корявыми буквами было выведено его имя.

Мы с нетерпением ждали, пока Валдис извлечет из конверта письмо. Но там оказалась лишь коротенькая записка:

«Товарищи! Ваше знамя в надежных руках!»

Мы недоуменно переглянулись. Вот загадка! А на сердце у каждого из нас немного отлегло. Значит, наше знамя выскользнуло из лап Репсиса! Но все-таки и у нас его не было. Поэтому полк черных по-прежнему продолжал оставаться полком без знамени. Хотя оно и в чьих-то «надежных руках», а все же исчезло, и, наверное, навсегда...

Кто будет смеяться последним?

Будущий министр из Гулбене проснулся в своей мягкой постели с головной болью, потому что всю ночь ему снился страшный незнакомец в черной маске. Он отобрал у Булли-тиса-старшего лимузин, сам вместо Репсиса стал министром, в тюрьму упрятал не Генерала черных и их Профессора, а самого императора белых, а потом вместе с детьми железнодорожников, высоко держа красное знамя, шагал по улицам Гулбене. Рядом с ним шли рабочие из депо, строители, батраки с окрестных хуторов. Даже Тип и Топ были вместе с ними в одном строю. И пели они какие-то новые, наверное бунтарские, песни, а телохранители императора белых, по привычке тараща глаза, во весь голос орали:

Тот день пришел, и час наступит,
Когда мы Репсиса отлупим!..

Репсис тряхнул головой, пытаясь прогнать воспоминания о неприятном сне. Он вскочил с кровати, натянул штаны, надел мягкие тапочки и подошел к окну. Сквозь тюлевые занавески командир белых увидел во дворе Типа и Топы, колотивших дрова. Тип с размаху всаживал топор в полено, а Топ тяжелой дубиной колотил по обуху, пока полено не раскалывалось пополам.

Хотя было и воскресное утро, телохранители трудились изо всех сил. Только иногда, чтобы перевести дух, они разгибали спины, о чем-то переговариваясь. И тут вдруг Репсис заметил, что близнецы, пошептавшись, стали показывать пальцами на окно, за которым он стоял, и смеяться. И взбешенный император опять вспомнил страшный сон и ту мерзкую, насмешливую песенку, что пели его покорные слуги Тип и Топ.

Мать Репсиса, длинная, сухопарая особа, была суеверной. Если ей снился какой-нибудь сон, то утром она часа два-три просиживала за сонником. Сын, видно, пошел в мать. Поэтому, наблюдая из окна за близнецами, он решил, что его страшный сон словно бы продолжается наяву. Когда Тип и Топ рассмеялись, Репсис даже не сомневался, что они подтрунивают над ним. Наверняка смеются, вспомнив, как он вчера струсил на чердаке.

«А сами-то!.. Сами онемели от страха! — И Репсис до боли сжал кулаки. — Герои... И ведь не напали на Черную маску! Стояли, как телята, вытаращив глаза, и разрешили незнакомцу унести знамя! А сегодня ржут над своим командиром. Небось втихомолку путаются с черной бандой. Сегодня путаются с ними, а завтра будут шагать под красным знаменем!» Взвинтив себя до предела, Репсис теперь уже и не сомневался, что Тип и Топ — самые ловкие и опасные разведчики черных. Ну берегитесь, «телохранители»!

Накинув рубашку и надев туфли, император процедил сквозь зубы:

— Теперь держись, лапотники, я вас проучу!

Во дворе залаяла собака, и у Репсиса мгновенно возник план мести. В кухне он взял из шкафчика небольшой кусок мяса и, завернув его в носовой платок, сунул в карман. Спустившись по лестнице, император вышел во двор. Тип и Топ по-прежнему старательно кололи дрова. Увидев Репсиса, они почтительно приветствовали своего командира. Зло усмехнувшись, император молча прошел мимо. Приветствие близнецов он расценил как очередное издевательство над ним.

«Так-так,— подумал Репсис,— даже не хотят как следует честь отдать! Ну погодите! Сейчас вы у меня попляшете!..»

Медленно и осторожно император приблизился к Терису. Вынув из кармана мясо, Репсис сладеньким голоском позвал:

— Терис, Терис!.. Ко мне!..

Пес почуял запах мяса и недоверчиво подошел к Репсису. Обнюхав угощение, Терис принялся за мясо. А когда пес насытился, Репсис, совсем осмелев, снял с Териса цепь. Телохранители, занятые работой, так и не заметили надвинувшуюся на них опасность. А Репсис, отбежав к дому, прислонился к дверному косяку и стал спокойно наблюдать за тем, что происходило во дворе. В это время Топ вынес из сарая несколько поленьев, бросил их на землю и крикнул. Терис, посчитав, что его дразнят, сердито зарычал. И тут вдруг раздался визгливый голос Репсиса:

— Терис, возьми их! Возьми!..

Тип и Топ, бросив работу, удивленно уставились на командира, потом одновременно повернули головы туда, где рычал Терис, и застыли как вкопанные. Оскалив зубы, к ним приближался огромный рыжий пес Буллитиса. Телохранители вскрикнули испуганно, а Терис зарычал еще злее.

— Возьми их! Возьми! — подпрыгивая, орал Репсис.

Опомнившись, Тип и Топ с криками бросились к дому, туда, где стоял император белых. Но Репсис ударом ноги

оттолкнул бсжавшего впереди Топа. Топ упал, но тут же вскочил на ноги. А рассвирепевший Терис, подбежав, зубами сорвал с него рубашку. Некоторое время пес нещадно трепал ее, но потом, оставив рубашку, бросился за Типом, который мчался к сараю. Терис догнал Типа, вцепился в залятанную штанину и разорвал ее. Тип успел все же перепрыгнуть через чурбан для колки дров и схватил полено. Но злобный Терис, подоспев, вцепился в полено и вырвал его из рук Типа.

Пренебрегая опасностью, на помощь брату поспешил Топ. Размахнувшись, он швырнул в Териса камнем, который угодил псу в бок. Терис взвыл от боли и с удвоенной яростью бросился на Топа. Топ вскочил на бензиновую бочку. Пес запрыгал, пытаясь дотянуться до него. Топ хотел было залезть повыше, на пустые ящики, но они вдруг повалились, и Топ полетел наземь. Разъяренный Терис вцепился в штаны несчастного Топа.

— На помощь, на помощь! — завопил Топ голосом, полным отчаяния.

С длинным шестом в руках к брату бежал Тип. Терис, оставив Топа, бросился на Типа и вцепился в шест. Завязалась отчаянная борьба. Тип тоже закричал на весь двор:

— На по-о-мощь!

— Возьми его! Возьми! — торжествовал Репсис. — Возь... — Вдруг голос его оборвался. У императора из глаз посыпались искры — от мощного удара в затылок он зарылся носом в песок, подняв столб пыли. И только через несколько секунд дико заорал.

Репсиса сбил с ног выбежавший во двор Оборванец. Даже не оглянувшись на поверженного императора, он устремился на помощь Типу и Топу. Схватив дубину для колки дров, он в два прыжка достиг разъяренного Териса и с силой ткнул пса в бок. Терис отчаянно завизжал и, поджав хвост, бросился в угол двора.

Услышав крики и визг собаки, из магазина выскочил сам господин Буллитис. Он прежде всего увидел Оборванца с дубинкой в руках. Бросив взгляд на продолжавшего визжать Териса, спросил грозно:

— Что здесь происходит? — И тут же заорал: — Дикари! Вы что, хотите собаку мою убить?.. — С этими словами он затрусил к верному стражу дома и имущества.

— Терис, Терис... — пытался успокоить пса Буллитис.

Терис же заскулил протяжно и жалобно.

А Буллитис заголосил: .

— Убийцы! Собаку поранили! Полиция!..

Услышав вопли хозяина, во двор высыпали все обитатели дома.

Буллитис бросился было к Оборванцу. Но Оборванец совсем не испугался хозяина — так и стоял с дубинкой в руках. А когда к нему подскочил взбешенный Буллитис, сказал спокойно:

— Лучше не подходите, хозяин, не то покалечу!

— Что-о?!

Глупо вытаращив глаза, мясник попятился от грозного Оборванца, явно не ожидая такого отпора. Зло свое он выместил на подвернувшемся ему под руку Топе, отвесив телохранителю затрещину.

И тут вдруг вмешался тихий и безропотный рубщик мяса Алексис, отец Типа и Топа.

— Не смейте трогать детей! — крикнул он и решительно зашагал к хозяину.

И Буллитис струсил. С огромным, похожим на борца Алексисом лучше не связываться. Мясник, махнув рукой, направился к дому. В этот момент из дверей выскочила мать Репсиса. А за ней следовал сам начальник полиции.

— Собачку убили! Собачку убили! — кудахтала хозяйка, точно испуганная наседка.

«Вот дура! — ругнулся про себя Буллитис. — Притащила

шута в форме! Теперь придется сунуть этому полицейскому целого поросенка!»

Подумав так, Буллитис, однако, сказал вежливо:

— Пожалуйста, господин капитан, пройдемте ко мне. У нас тут черт знает что происходит! Голодранцы бунтовать вздумали!

Когда начальник полиции, с солидным свертком под мышкой, снова вышел во двор, он подозвал Алексиса и сказал ему сурово, что его отпрыски дразнили собаку, та порвала цепь и немножко поцарапала озорников. Надо немедленно унять мальчишек, иначе отец их может очень просто угодить в полицию.

Еще до обеда Буллитис выдал уборщице, матери Оборванца, расчет.

— Убирайся с глаз моих! Бандита растишь... — мрачно пробурчал мясник. Он исподлобья бросил взгляд на Оборванца, стоявшего рядом с матерью. — Через час чтобы вашей ноги здесь не было!

Позже стало известно, что Оборванец ушел из города. Тогда мы подумали, что больше не увидим его. Но нам довелось встретиться, и очень скоро...

А рубщик мяса Алексис сам отказался работать у Буллитиса. Опешивший мясник даже рот разинул от удивления: такой послушный работяга — и вдруг восстал против него, Буллитиса, самого богатого, самого уважаемого человека в Гулбене! Честное слово, смешно! Но мяснику, конечно, было не до смеха. Он знал, что никто другой только за харчи работать к нему не пойдет. Поэтому, проглотив горькую пилюлю, он попытался улыбнуться. Улыбка получилась натянутой.

— Смотри не натвори глупостей! Что ты будешь делать без работы?

— А это не ваша забота, хозяин, — как всегда невозмутимо, сказал Алексис.

— Подохнешь с голоду со своим выводком! — вскричал Буллитис, потеряв терпение.

— Лучше подохнуть с голоду, чем от твоего кулака, — бросил рубщик мяса, имея, конечно, в виду Типа и Топы.

Буллитис покраснел от негодования. Ну, это уж слишком!.. Это открытый вызов, бунт!..

Алексис с сыновьями ушел от мясника, сняв на улице Озолу небольшую комнату. А Тип и Топ, бывшие телохранители Репсиса, стали вскоре самыми отчаянными стрелками полка черных.

Плохой сон Репсиса и впрямь стал сбываться. Это переполнило чашу его терпения. Отомстить, отомстить во что бы то ни стало!.. Поэтому он и рассказал отцу все, что знал о красном знамени. Буллитис просто взбесился, услышав обо всем этом.

— Какой ужас! Какой ужас! Знамя коммунистов! — закричал он и, выбежав на улицу, понесся к начальнику полиции, пугая людей воплями: — В тюрьму бандитов, в тюрьму!

Прохожие шарахались от разъяренного мясника. А на губах императора белых, стоявшего у окна, играла победная улыбка.

Но Репсис рано праздновал победу. Тогда еще трудно было сказать, кто же в конце концов будет смеяться последним...

„До свидания, товарищи!..“

Было раннее воскресное утро. Солнце еще скрывалось за липами старого парка, а мы уже толпились во дворе и показывали друг другу свитые из конских волос лески. Наш полк собирался отправиться на Валмесское озеро за «большим уловом». Проверив запасы крючков и червей, мы расселись на поленнице в ожидании Профессора. Обычно Брунис всегда приходил вовремя, но в это утро почему-то задерживался. Прошло десять минут... двадцать... полчаса — а его все еще не было...

Услышав чьи-то шаги, мы подбежали к воротам. Нет, это не Брунис. Мимо нас прошли две пожилые женщины. Одна из них сказала громко:

— Видела? Полицейские запрудили всю станцию!

Мы переглянулись: полиция окружила вокзал! Но почему?

— Пойдем посмотрим! — крикнул Валдис.

Но узнать, в чем там дело, нам так и не удалось: в конце улицы, ведущей к вокзалу, из кустов вылез какой-то тип в черном плаще и заорал:

— Назад! Домой!

Недовольные и хмурые, мы вернулись назад и остановились у ворот. А подозрительный тип в черном плаще снова скрылся в кустах. Наш командир, сплунув, сказал с отвращением:

— Шпик...

— Ждет, наверное, кого-нибудь, — добавил Назитис.

— А как же! — сердито бросил Генерал.

С резким гудком подошел к станции поезд. Судя по времени — рижский. Последний вагон остановился как раз против угла улиц Озолу и Железнодорожной, за водонапорной башней. И мы все хорошо видели, как из вагона вышел, оглядываясь, железнодорожник. Он встретился с человеком в замасленной спецовке, который проверял вагонные колеса. Мужчины коротко переговорили о чем-то, и железнодорожник торопливо зашагал по тропинке, что шла мимо водонапорной башни. И вдруг от дровяного склада отделилась фигура усатого полицейского Румбы. Железнодорожник спокойно свернул налево и через лужайку направился к углу улиц Озолу и Железнодорожной.

— Стой! — заорал Румба и, непрерывно свистя, бросился вслед за железнодорожником.

Из-за лип выскочили двое айзсаргов и тоже устремились

за незнакомцем. Железнодорожник остановился, оглянулся по сторонам и... побежал! Румба на бегу выстрелил в воздух. Но незнакомца это не испугало. Ловко перепрыгнув через канаву, он хотел скрыться за кустами, чтобы под их прикрытием добежать до парка. Но тут наперерез ему, словно из-под земли, выскочил шпик в черном плаще.

— Руки вверх! — потрясая револьвером, заверещал он.

Незнакомец остановился и медленно поднял руки. Шпик подошел к нему, и вдруг последовал короткий, резкий удар по револьверу. Оружие полетело в кусты. В ту же секунду в нос шпика врезался тяжелый кулак

железнодорожника. Шпик как подкошенный рухнул на мостовую. А приезжий в несколько прыжков достиг угла Железнодорожной. Один из айзсаргов, бежавших за незнакомцем, остановился и прицелился в него. Прогредел выстрел. Пуля вонзилась в забор прямо над головой незнакомца. А мы все так и ахнули: человек, которого преследовали полицейские и айзсарги, был отец нашего Профессора, Бруниса, слесарь из депо Арвид Дзенис!

С другой стороны вокзала бежали сам начальник полиции и несколько айзсаргов. Путь к парку был перекрыт. Снова совсем близко от нас просвистела пуля. Мы бросились во двор. А за нами устремился и Дзенис. Добежав до сарая, мы, разинув рты и моргая глазами, ждали, чем же закончится эта страшная охота на человека.

На улице снова раздались свистки и ругань преследова-

телей. Дзенис подошел к нам. Лицо его было удивительно спокойным. Отец Брунуса окинул взглядом двор, потом расстегнул пуговицы темной сорочки, вытащил из-за пазухи какой-то сверток и протянул его Валдису Церинышу.

— Спрячь побыстрей! — шепнул он.

Валдис молча кивнул головой и, прижимая к себе сверток, похожий на толстую книгу, молнией ринулся в сарай. А слесарь, посмотрев на нас и приложив палец к губам, подбежал к деревянному забору, отделявшему наш двор от соседнего, подпрыгнул и ухватился руками за его верхний край. Он хотел уже перекинуть ногу через забор, но тут загремели в воротах кованые сапоги, и во двор вбежали полицейские и айзсарги. Волосатые, красные руки вцепились в Арвида Дзениса. Отца Брунуса стащили с забора и надели наручники.

А двор постепенно заполнялся рабочим людом — жильцами нашего дома. Молча, с угрюмой враждебностью смотрели они на все, что происходило во дворе. Но это молчание было грозным, как затишье перед бурей. Полицейские с опаской поглядывали на деповских рабочих.

Начальник полиции приказал вывести отца Брунса на улицу. Арестованный поднял голову и сказал громко:

— До свидания, товарищи!..

Один из айзсаргов крикнул зло:

— Молчать! — и подтолкнул Дзениса.

— Скоро увидимся, Арвид! — сказал отец Валдиса Цериныша.

— Вот-вот, и в самом деле увидите!.. — ехидно произнес вдруг начальник полиции, и на лице его заиграла злая усмешка. Приставив руку к фуражке, он продолжал язвительно: — Разрешите, господин Цериныш? Мы пришли и за вами! — И, резко повернувшись к полицейским, скомандовал: — Арестовать!

Когда и на отца Валдиса надели наручники, начальник полиции все так же издевательски вежливо спросил:

— Не могу ли я познакомиться и с вашим сыном?

Мы обомлели от страха. Вот оно, началось!.. Репсис все рассказал о знамени! Что-то сейчас будет?

Только наш Генерал не растерялся. Крепко сжав зубы, он смело встал рядом с отцом.

— Я — Валдис Цериныш! — сказал он.

— Смотрите-ка, вот и еще один большевичок! — процедил сквозь зубы начальник полиции и резко крикнул: — Где красное знамя?

— Нет у меня никакого знамени!

— Врешь, щенок!

— А чего мне врать? Нету — и все!

— Но ведь было же, а? — грозно спросил полицейский.

— Было, — громко, чтобы и мы все слышали, ответил Валдис. — Ребята сшили из старой скатерти...

— Может быть, господин Цериныш-младший покажет нам все-таки свое знамя? — недобро усмехнулся капитан.

— Нет, не покажу...

— А нельзя ли узнать, почему?

— Потому что его у нас стащил Репсис... то есть Юрис, сын Буллитиса, — сказал Валдис и тут же добавил, скорчив наивную гримасу: — Так что лучше поищите знамя у мясника. Вы же знаете, что Буллитису¹ нравится красный цвет...

— Молчать, молокосос! — взорвался начальник полиции и размахнулся. Но ударить Валдиса не посмел — собравшиеся во дворе железнодорожники сомкнутым полукругом двинулись на полицейских. Рука капитана невольно легла на кобуру с пистолетом. Куда только девалась его язвительная вежливость! Он поспешно скомандовал: — Увести!

Валдиса и его отца вывели на улицу, подтолкнули к Арвиду Дзенису и повели всех троих в полицейский участок. Валдис-то сразу понял, почему его арестовали. А отец Бруниса напрасно ломал голову, разгадывая причину ареста. Позавчера, по заданию подпольной организации, он выехал в Ригу, чтобы получить указания для дальнейшей работы. Там Арвид узнал, что дни профашистского режима Ульманиса сочтены. После короткого нелегального совещания ему, как и другим, вручили листовки с призывом к рабочим — подняться на последний и решительный бой. И вдруг арест!

«Что же случилось? — размышлял слесарь. — Может, предательство? Может, случайное совпадение? О листовках полиция, наверное, ничего не знает, потому что не искала их. Значит, в центре все в порядке. Наверное, что-то случилось здесь, в Гулбене. А что именно?» А тут еще мучил вопрос, почему арестованы Цериныш и его сын.

Арвид Дзенис посмотрел на них. Взгляд его задержался на Валдисе. А Генерал вдруг коснулся его плечом. И слесарь понял: парень знает что-то. Может, сейчас все и выяснится. Он ободряюще кивнул нашему командиру...

---

¹ Б у л л и т и с (латышск.) — бычок.

— Господин капитан! — крикнул вдруг Валдис. — Нас за красное знамя арестовали?

— Ну-ка помолчи, паршивец! — рассердился начальник полиции. — Сейчас мы тебе устроим свидание с твоим другом — он-то уже за решеткой!

Валдис посмотрел на Арвида Дзениса и сказал тихонько:

— Это он о Брунисе...

«Замечательный парень!» — подумал Арвид и улыбнулся. Теперь все понятно: наверное, Брунис взял знамя, чтобы показать своим друзьям, а те, не подумав о последствиях, заварили какую-то кашу, и знамя попало в руки полиции. А из-за главных «виновников», Бруниса и Валдиса, арестованы и их отцы. У Арвида отлегло от сердца. Значит, организации ничто не угрожало. А знает ли все это Цериныш? Дзенис вопросительно взглянул на отца Валдиса. Тот ответил едва заметным кивком, что означало: «Будь спокоен, все в порядке». Слесарь облегченно вздохнул; подумав при этом: «А все-таки надо быть осторожным. Если дома сделали тщательный обыск, то оружие, конечно, не нашли, а вот несколько «опасных» книг наверняка... Эх, до чего же глупый провал! И это в такой момент, когда нужно действовать! В Риге, может быть, уже начали... А тут сиди за решеткой! Проклятие! И листовки вот остались... А на что они теперь?..»

Но листовкигодились! Боевой призыв к действию рабочие нашего города получили вовремя. А вскоре мы смогли сказать нашим арестантам:

— Здравствуйте, друзья!

„Это есть наш последний и решительный бой...“

Тревога охватила не только наш дом, но и весь город. Люди молча переглядывались, кивали друг другу, перешептывались, говорили об оружии, революции, о Красной Армии,

о часе расплаты, который наступил для господ и их прислужников. Под вечер рабочие-железнодорожники в одиночку или по двое отправились в парк. Они говорили, что идут «погулять», но жен и детей с собой не взяли. Только Вилис Платайс, по прозвищу Боксер, был причислен к взрослым и вместе с отцом пошел в парк. Позже мы узнали: там состоялся митинг; в нем участвовали и сельские жители — батраки; был на митинге и Оборванец.

В нашем дворе собрались женщины. Услышав об аресте Церинышей, отца и сына, пришла мать Бруниса. Забыв о своем несчастье, она успокаивала жену Цериныша, которая, после ухода полицейских, сидела на скамейке под ивой. Она не плакала, она сидела молча, плотно сжав губы. Двое сыновей уже погибли, а теперь взяли последнего — Валдиса! Что он сделал? За что его взяли?

— Не волнуйся, мать! Вернутся, обязательно вернутся, — печально улыбалась жена Дзениса, успокаивая подругу.

Другие женщины рассказывали об аресте Дзениса, о пулях, которые предназначались для него.

— Меня это не удивляет, — тихо сказала жена Дзениса, — Арвида еще в Риге три раза арестовывали. Но всегда вынуждены были освобождать. Только для Бруниса, бедного мальчика, это первое испытание. Ворвались ночью... Били... Негодяи, бесчинствуют перед своей гибелью. Но напрасно, их дни уже сочтены! — И в тихом ее голосе зазвучала гордость. — Слышали, как рижские рабочие встретили Красную Армию? Скоро кончатся наши мучения!

Когда разговоры утихли и жены железнодорожников разошлись, мы вытащили из щели в фундаменте сарая четырехугольный сверток, который отец Бруниса вручил Валдису, попросив спрятать от полиции. Забравшись на сеновал, где мы обычно ночевали, развязали сверток и от удивления застыли с широко раскрытыми глазами: в наших руках были сотни небольших листочков, напоминающих страницы

непереплетенной книги. Опешившие, ничего не понимающие, мы удивленно смотрели друг на друга.

— «Про-кла-ма-ция...» — прочитал Назитис.

— Да ну? — недоверчиво переспросил я.

— Ясно как день! — заявил Пипин и, показывая на левый угол листовки, пояснил: — Видите, здесь же написано: «Прочитай и передай другим!»

Мы прочли первые четыре слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Пролетарии — это рабочие, — лекторским тоном пояснил наш адъютант.

А Харий-Актер взял листовку и стал читать дальше:

Это есть наш последний
И решительный бой...

Кое-что понимая, кое-что нет, мы прочли весь текст, вновь посмотрели друг на друга и пожали плечами: что же делать с этими листовками? Наконец Назитис глубокомысленно протянул:

— Там написано, что надо прочесть и передать другим...

— Н-да... А как это сделать? — проговорил я.

— Подождите! — воскликнул Пипин. — Я сейчас подумаю!

И он начал напряженно думать, а потом, вскочив на ноги, закричал:

— Придумал! Придумал!

— Что? Как? — спросили мы его, но адъютант, оставив нас в неведении, выбежал из сарая и помчался домой.

Через несколько минут он вернулся и с видом заговорщика вытащил из растопыренных карманов картошку в мундире, которую мать сварила для поросенка.

— На кой черт ты картошку притащил? — удивился Актер.

— Конечно, не для твоего желудка! — отрезал Пипин, а потом спокойно добавил: — Будем делать клей.

И нам все сразу стало ясно: ведь любому известно, что из вареной картошки получается отличный клей — ножом не отдерешь!

Ребятам уже грезилась расклеенные по всему городу листовки. Поэтому, положив картофелины на доску, мы принялись отбивать их камнями или деревяшками, пока у нас не взмокли спины. В целях проверки нашей продукции прилепили к стене сарая целую газету. Через полчаса ее нельзя было и топором вырубить. Своей продукцией мы заполнили пустые консервные банки и стали терпеливо дожидаться вечера.

Когда стемнело, разбились по парам: Пипин и Актер, Назитис и я и все остальные ребята и девчонки. Адъютант, как заместитель нашего командира, послал каждую пару в определенный район города. Храброму разведчику и мне было поручено действовать на самом опасном участке — в центре города. Но это нас не испугало, наоборот, мы даже были рады, потому что есть где развернуться и показать свои способности.

— Ребята!.. То есть солдаты!.. — торжественно обратился к нам Пипин, явно подражая Генералу. — Главное — будьте внимательны! — А затем деловито добавил: — Если не хватит клея, листовки можете бросать в почтовые ящики.

Мы тихо покинули сарай и разошлись по городу. А вскоре на заборах и стенах домов появились белые пятна, которые издали виднелись в темноте. Мы с Назитисом сначала «обработали» базарную площадь. Я мазал на доски клей, а разведчик сразу прижимал к ним листовку, тщательно разглаживая ее кулаком. Забор вокруг базарной площади постепенно стал напоминать узкое, очень длинное, разукрашенное множеством наклеек лицо. Такая же судьба постигла и «Черную бомбу», почту, аптеку и даже дом начальника полиции. Для магазина Буллитиса мы не пожалели пяти прокламаций. Не скупились и на клей. За-

втра Буллитис и Репсис, если не помрут от злости, будут сдирать листовки до седьмого пота.

Когда из консервной банки была вылизана последняя капля клея, мы решили использовать почтовые ящики. Если они были прикреплены к стенам домов или калиткам, то у нас никаких затруднений не возникало. Немножко потрудней было в многоквартирных домах. Тогда Назитис оставлял меня на карауле, а сам, проникнув в темный подъезд, ощупью пробирался вдоль стен, обходя дверь за дверью. Часто на дверях никаких почтовых ящиков не было. Но наш разведчик не терялся: он засовывал листовки в щели дверей или же клал их аккуратно на пол у самого порога.

Вначале все шло гладко и спокойно. Но, как говорится, несчастье приходит неожиданно-негаданно. В одном домике на улице Бёрзу, поднимаясь на второй этаж, Назитис опрокинул ведро, которое с грохотом полетело вниз по лестнице. Загремела навесная цепь — и дверь открылась! Разведчик не успел даже спрятаться — прямо против Назитиса стоял здоровый парень в серой, покрытой мучной пылью одежде. Это был Пётрис Грёкис — рабочий с мельницы, который, только что одевшись, собирался, видимо, в ночную смену. Нахмутив брови, он строго глядел на Назитиса. Но, увидев в его руке белый листок, спросил:

— Письмо?

— Д-да! — пробормотал опешивший разведчик, и рука его сама протянула рабочему листовку.

Петерис, взяв ее, спокойно развернул и стал медленно читать. Потом он вдруг поднял голову и удивленно посмотрел на разведчика:

— Где ты взял эту... листовку?

— Мы их... мы во все почтовые ящики... — заикаясь, промямлил Назитис и, наконец собравшись с духом, выпалил: — Ребята во дворе нашли! Вот мы и решили раздать их...

— Так-так... — задумчиво произнес Петерис и, повернув голову, позвал негромко: — Мария, иди-ка сюда!

Из кухни вышла молодая черноволосая женщина. Не заметив нашего разведчика, она протянула мужу сверток:

— Вот завтрак, возьми...

Парень сунул пакетик в карман, весело улыбнулся и показал на Назитиса:

— Смотри, Мария, и запомни его — юный революционер! Вот, прочти! — Он протянул жене листовку и, обращаясь к нашему разведчику, попросил: — Если есть еще, дай порочку! Покажу своим друзьям на мельнице.

— Пожалуйста! — обрадовался Назитис и вытащил из-за пазухи несколько прокламаций. — Только... я... — он с мольбой посмотрел на парня, — вы только не говорите никому... Мы тайно, понимаете, нелегально... Нас могут упрятать за решетку, поэтому мы... — Назитис умолк, но, вспомнив вдруг трудное слово, воскликнул: — Конспиративно, вот!

— Понятно, конспиративно!.. — Молодой рабочий, весело улыбаясь, встряхнул Назитиса за плечи. — Будь спокоен, герой-конспиратор: будем молчать как рыбы!

Назитис выбежал на улицу словно на крыльях. Даже в темноте было видно, как сияет его физиономия. Взволнованно рассказав мне о случившемся, он глубокомысленно добавил:

— Бывает же так в жизни: спасаешься вдруг неожиданно-негаданно...

Окрыленные успехом, мы забыли про осторожность и совсем расхрабрились: решили, что листовки любой ценой нужно распространить в полицейском участке и особенно в камере предварительного заключения! Мы сами, конечно, не могли туда проникнуть. Поэтому пришли к здравому выводу, что листовки можно забросить через открытые окна. Но как это сделать? Около белого здания участка постоянно

торчит постовой. Забор, опоясавший дом, был довольно высокий. А бумагу высоко не зашвырнешь. Наконец решили и эту задачу: собрали камни величиной с голубиное яйцо и завернули каждый из них в два-три листка. Обернутый бумагой камень любой мальчишка мог бы легко бросить метров на двадцать—тридцать, если не дальше. Тихо, как мыши, проникли мы во двор соседнего дома, подползли к забору и затаив дыхание через щель стали наблюдать за часовым. Нет, счастье, наверное, все-таки изменило нам: постовой не ходил, как всегда, а, точно филин, сидел прямо под небольшим узким окном, загражденным решеткой.

Некоторое время мы прождали, надеясь, что полицейский уйдет. Но напрасно. Опечаленные, мы с Назитисом покинули чужой двор.

— Попробуем с другой стороны,— не теряя надежды, шепнул мой друг.

...В этом дворе наши боевые позиции были более выгодными: около забора была сложена поленница. Когда мы взобрались на нее, то, к удивлению своему, обнаружили, что полицейский участок совсем рядом. Напротив нас светились два широких окна, у одного из которых была открыта фрамуга.

— Кабинет начальника,— деловито сообщил Назитис.— Я буду бросать первый, ладно?

— Бросай,— кивнул я ему.

Назитис размахнулся и... вдруг зазвенели стекла! Завернутый в листовки камень разбил окно и с глухим стуком упал на стол. Такой неожиданный результат нас озадачил. Назитис процедил сквозь зубы:

— Проклятье! Не попал куда следует!

— Бежим! — шепнул я.

— Подожди!

Не шевелясь, мы стояли, прижавшись к поленнице, и прислушивались к каждому звуку. Но вокруг царила полная тишина. Не раздавались даже шаги постового.

— Идиоты! — проворчал Назитис.

— Кто?

— Мы!

— Почему?

— Неужели ты не понимаешь: часовой спит! — сердито пояснил Назитис и, спрыгнув с поленницы, сказал: — Пошли!

— Куда?

— Назад, на ту сторону.

Вскоре мы уже были на старом месте и внимательно наблюдали за часовым, который сидел там же, где и раньше. Только голова его склонилась еще ниже и повернулась набок.

— Порядок! — улыбнулся храбрый разведчик. — Слышишь, шумит, как дырявая мельничная плотина.

— А ты как думал? — ответил я. — Погляди-ка, это же наш приятель Румба!

— И правда! — обрадовался Назитис. — Давай преподнесем Румбе сюрпризик, чтобы завтра начальник намылил ему шею...

Уже занималась заря. Медлить нельзя было ни минуты. Назитис вскарабкался мне на плечи, левой рукой уцепился за край забора, а правой, прицеливаясь, замахнулся камнем, завернутым в листовки. Вот он напряг мускулы... и бросил! Подобно комете, камень влетел в решетчатое окно на втором этаже. Мы даже услышали, как в камере предварительного заключения что-то упало на пол. Значит, задание выполнено!

— Ура!.. — все позабыв, заорал наш разведчик. Но тут же спохватился: — Пора исчезнуть!

И мы исчезли...

После неудачного допроса начальник полиции поместил всех четверых арестованных в одну камеру, узкую и маленькую. Других, более обширных, в тюрьме не было. Для отца

Бруниса, Цериныша и ребят это было весьма кстати. Валдис и Брунис рассказали отцам о всех событиях, связанных с красным знаменем. Взрослые переглянулись, и Цериныш, разведя руками, словно бы с упреком, произнес:

— Что делать — дети есть дети...

— Да, — очень серьезно вставил Арвид Дзенис. — Настоящие мужчины так глупо не поступили бы.

Эти слова кольнули Валдиса и Бруниса в самое сердце. Но, честно говоря, они вынуждены были признать, что отцы правы. Нужно было быть более осторожными и внимательными, более проницательными. Нужно было знать, что боевые знамена не предназначены для игр. Красное знамя — святое знамя, оно дороже жизни. Теперь Брунис и Валдис будут это помнить всю свою жизнь. И в мире нет такой силы, которая сможет еще раз отнять у них красное знамя!

Темнело. Наступила ночь. Но глаза не закрывались. Ребята лежали на жестких нарах и глядели в потолок. Отец Бруниса подсказал им, что говорить на следующем допросе. Друзья, обдумывая случившееся, ждали следующего утра. Они дали себе слово доказать, что ребята из полка черных — настоящие мужчины.

Отцы сидели на нарах в другом углу камеры.

— Послушай, Паул!.. — шепотом обратился к Церинышу Арвид Дзенис. — Тебя и ребят, наверное, выпустят раньше. У меня, ты же знаешь, нашли запрещенные книги. Капитан рычал как собака: «Где взял?» Пока все вынюхают, придется еще посидеть. Может быть, перешлют и в уездную тюрьму. Поэтому тебе нужно будет действовать вместо меня. Ты же знаешь, что происходит в Риге?

— Конечно, — ответил Цериныш.

— Их песенка спета! — продолжал Дзенис. — Родается новая Латвия! Скоро, очень скоро вся власть будет в руках рабочих. Но в Гулбене частей Красной Армии нет, и наши господа могут пустить в ход оружие. Поэтому мы должны быть начеку.

— Ясно, Арвид! — Паул Цериньш положил руку на плечо товарищу. — Можешь быть спокойным — рабочие будут на своих местах. А я почему-то думаю, что нас освободят всех вместе. У них нет никаких улик. Даже знамя не нашли.

— Надежды надеждами!.. — покачал головой Арвид. — Об уликах не беспокойся, сфабрикуют сами. Знаем мы этих деятелей. Несколько месяцев назад достаточно было бы даже тех книг, чтобы посадить на несколько лет. Теперь положение изменилось. Но зверь еще жив, он способен перед смертью укусить...

Где-то поблизости раздался звук разбитого стекла. А через некоторое время за окном послышался странный тихий шорох. Отец Брунис поднялся и, по старой привычке, вдоль стены стал приближаться к окну. Вдруг через решетку в помещение влетел какой-то белый предмет и, тяжело ударившись, упал на пол. Проснулись задремавшие было Валдис и Брунис. За окном прошлепали чьи-то босые ноги. И опять наступила тишина, которую нарушал лишь храп заснувшего часового.

Дзенис поднял и развернул сверток: в одной руке его остался небольшой камень, в другой — две бумажки. Он пожал плечами. Подошли и Паул Цериньш с ребятами.

— На бумажках что-то написано, — прошептал Валдис. У него были зоркие глаза.

Но, по правде говоря, за окошком уже светлело. На горизонте занималась пока еще едва заметная заря.

— Читай, если видишь! — поторопил Валдиса отец.

Валдис подошел к окну и, нагнувшись, начал вслух разбирать слова. Первые четыре, которые он произнес, поразили всех:

— *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*

— Там и в самом деле так написано? — удивился Арвид Дзенис.

— Если сомневаетесь, прочитайте, — спокойно ответил Генерал.

— Невероятно, невероятно!..— Отец Брунуса долго исследовал листовку и наконец сказал серьезно: — Но все-таки факт! Это прокламации, которые я вчера утром привез из центра. Товарищи, как все это объяснить?

— Очень просто,— улыбнулся довольный Генерал.— Наши ребята не сидят сложа руки.

— Приятная неожиданность,— улыбнулся Дзенис.— Представляю себе: если камеру предварительного заключения обстреливают листовками, то уж город-то наверняка заполнен ими. Молодцы ребята, настоящие орлы!

— Конечно, орлы! — с гордостью подтвердил Валдис.

— Завтра господин капитан будет бегать как угорелый! — улыбнулся, поглаживая подбородок, Цериныш.

— Товарищи, у меня возникла отличная идея! — воскликнул Дзенис.— Чтобы нас побыстрее выпустили отсюда, надо сделать один тактический ход. Сыграем спектакль, изображая оскорбленных и разозленных «патриотов» и заявим, что будем писать жалобу в уездное управление, потому что в участке гулбенской полиции даже в камере предварительного заключения появляются антигосударственные листовки. Капитан, этот дутый франт, очень честолюбив, но труслив как заяц. Он постарается избавиться хотя бы от тебя, Паул, и от ребят. Могу биться об заклад, что сегодня вечером вы уже будете спать на своих кроватях, и у тебя,— Дзенис повернулся к Церинышу,— будут свободные руки... Понимаешь, в такой ответственный момент некогда сидеть за решеткой. Надо использовать любую возможность, чтобы выйти на свободу...

— Хорошо! — твердо ответил Паул.— Используем.

Пришло тревожное, беспокойное утро. Железнодорожники, слесари, кузнецы, рабочие депо шли на работу, улыбаясь, громко разговаривая, показывали друг другу листовки, размахивали ими, группами останавливались у заборов, где были наклеены прокламации, читали их, три... пять... десять раз подряд. Местные жители узнали и о демонстрациях в

Риге, и о сердечной встрече Красной Армии, о полицейских и айзсаргах, которые на привокзальной площади стреляли в рабочих, об ульманисовском правительстве, которое катится к пропасти.

Начальника полиции Сталтманиса разбудил от сладкого сна резкий телефонный звонок. Выругавшись, он снял трубку и закричал зло:

— Кто звонит? Что нужно?

— Гос-подин капитан... Г-господин капитан! — заикался в трубке чей-то голос. — В городе к-коммунистические л-листовки! Докладывает п-полицейский Пи-эпийте.

— Немедленно убрать! — рявкнул в ответ капитан.

— Н-нельзя убрать... невозможно...

— Почему?

— Их с-сотни, тысячи... — Голос полицейского был полон отчаяния.

Капитан швырнул трубку и, быстро одевшись, выбежал на улицу. Первый удар хватил его у забора собственного дома: на коричневых досках друг за другом белели три прокламации! Он набросился на них, пытаясь отодрать листовки ногтями, но ничего не получилось. Облизывая поцарапанные пальцы, начальник полиции позвал домработницу и приказал помыть забор.

До самого обеда полиция «боролась» с листовками. Капитан бегал по городу как угорелый. Но напрасно он пытался разгадать, каким образом листовки попали из Риги в Гулбене. Своим «тайным» агентам, которых все жители города знали как облупленных, Сталтманис приказал найти распространителей листовок. Легко приказать, а найти?.. Смешно! Наши ребята не дураки, голыми руками их не возьмешь. И «виновники», назло высокому начальству, спокойно гуляли по гулбенским улицам. Шпики остались с длинным носом!

Начальник полиции пришел на участок поздно. Хмурый и злой, он открыл свой кабинет. О событиях в городе нужно было доложить уездному начальству. Наверное, снова будут ругать, упрекать в отсутствии бдительности, скажут, что он не борется с коммунистами... Капитан понимал, что такие разговоры портят его репутацию, вредят его служебной карьере. Сочиняя рапорт, Сталтманис ходил из угла в угол, не заметив ни разбитого окна, ни свертка, лежавшего за чернильным прибором. Вышел дежурный и доложил, что арестованный Паул Цериныш непрерывно стучит в дверь и на все вопросы отвечает, что ему необходимо срочно поговорить с начальником полиции.

— Что ему нужно?

— Не знаю, господин капитан!

— Хорошо, — махнул рукой Сталтманис. — Приведите!

Через несколько минут в кабинет ввели отца Валдиса. Он был заметно взволнован.

— Господин капитан, я этого не потерплю!.. — воскликнул Цериныш. — Нам хватает и того, что вы арестовываете невинных людей! А тут, в самом полицейском участке, в камере предварительного заключения, распространяют нелегальную литературу! Как вы думаете, это порядок? — Он перевел дыхание и, не давая Сталтманису даже рта раскрыть, продолжал: — Дайте бумагу и чернила! Я буду писать жалобу начальнику уезда!

— Господин Цериныш, что случилось? — изумленно пролепетал капитан.

— Как «что случилось»? — спросил Паул, язвительно усмехаясь. — Разве вы не знаете? В помещении для арестованных полно листовок!

— Не говорите ерунду! — рявкнул начальник полиции.

— Пожалуйста, вот вам эта ерунда! — И отец Валдиса протянул капитану скомканные прокламации. — Ребята читают и удивляются. Я не имею права молчать об этом! Детей хотите испортить? Неужели нельзя навести порядок?

— Где... где вы взяли их... эти листовки? — спросил опе- шивший капитан.

— Утром нашли! На полу. Наверное, часовой бросил. Через окно или дверь. Да не все ли равно где? — Цериныш энергично замахал рукой. — Факт остается фактом: в вашем полицейском участке арестованные получают прямой при- зыв свергнуть существующую власть! Это безобразие! Что скажет об этом господин Краузе?..

Сталтманис вздрогнул. Имя начальника уездной полиции подействовало на него, как удар плетью. Капитан обмяк. Он понял: листовки на участке, в камере — это уж и на самом деле слишком! Стоит узнать об этом уездному начальству, и тогда ему, Сталтманису, не останется ничего другого, как взять веревку и повеситься. Иначе полковник Краузе съест его без соли.

— Господин капитан! — прервал размышления началь- ника полиции отец Валдиса. — Я повторяю: дайте мне бума- гу и чернила!

— Подождите, подождите, господин Цериныш, — не ожи- данно вежливо заговорил капитан. — Мы все выясним...

— Тут нечего выяснять! — продолжал наступать Це- риныш. — Мы требуем освободить нас! Мы не хотим читать ваши листовки! Иначе...

— Хорошо, подумаем... — Начальник полиции сел за письменный стол, чтобы продолжить разговор, но вдруг уви- дел разбитое окно и белый сверточек рядом с чернильницей. Он схватил его, развернул и как ужаленный вскочил на но- ги: — Черт возьми! И здесь прокламации!

— Ну вот, видите! — рассмеялся отец Валдиса.

Капитан покраснел как рак. Распахнув двери кабинета, он дико заорал:

— Дежурный!..

— Слушаю, господин капитан!

— Кто вчера охранял участок?

— Полицейский Румба.

— Арестовать!

Через час Цериныш и ребята были освобождены. А отцу Бруниса начальник полиции сообщил, что его — распространителя коммунистической литературы — завтра перешлют в уездную тюрьму. У Сталтманиса возник свой план: к тем нелегальным книгам, которые нашли в квартире Дзениса, присоединить еще несколько листовок, записать об этом в протоколе и всю вину свалить на слесаря. В таком случае можно было бы ожидать от Краузе не строгий выговор, а сердечную благодарность. Но другие события перечеркнули «великолепный» план Сталтманиса.

Цериныш, вернувшись домой, поспешно переоделся, сунул в карман бутерброды и ушел на работу. Жене, которая обрушила на него целый поток вопросов, он сказал только три слова:

— Все в порядке!

Генерала и Профессора мы встретили как героев. Девчонки преподнесли им цветы. В сарае состоялось короткое совещание, на котором Валдис «доложил» о событиях в полицейском участке. Брунис дополнил его доклад, показав при этом на своих ребрах несколько синяков, или, как он сам выразился, «памятные знаки» от кулаков полицейских. А командир, загадочно улыбаясь, выразил нам благодарность за героическую «работу» в прошлую ночь. Мы поняли всё и подмигнули друг другу. Генерал сообщил еще, что завтра рано утром все стрелки должны собраться в нашем дворе. Потом мы проводили Бруниса в Задвинье, то есть домой.

...Наступило утро исторического дня. Город молчал, как перед бурей. Ни в одной квартире, ни в одном учреждении не раздавались телефонные звонки; на центральной станции испортился главный коммутатор. Механик — светловолосый парень, друг Паула Цериныша, усмехаясь, искал неисправность и рассказывал молодым телефонисткам анекдоты. Дежурившие на станции полицейский и начальник вокзала были разоружены и арестованы. В кабинете начальника

вокзала у радиоприемника сидел деповский токарь Себрис, отец Пипина. Вокзал был окружен рабочими. Железнодорожники к работе не приступали. Молчали паровозы, спокойно дремали вагоны, в сером здании ремонтных мастерских не шумели станки, не стучали кузнечные молоты, не мелькали огни сварочных аппаратов. Люди в черных комбинезонах стояли и ждали. Иногда они переговаривались, иногда смеялись и шутили. Прошел час, два, и вдруг на втором этаже раскрылось окно, в нем показалась голова токаря Себриса и зазвенел его счастливый голос:

— Есть!.. Вся власть в руках рабочих и трудового крестьянства!

Прогремело многоголосое «Урра!», и лавина железнодорожников и рабочих депо двинулась с места. Над головами, словно подброшенное ураганом, взвилось красное знамя.

Колонна двинулась в сторону Рижской улицы, к центру города. Паул Цериньш, раскрасневшийся и взволнованный, махнул кому-то из рабочих рукой. Из первых рядов колонны вышли три токаря. Отец Валдиса вытащил из кармана револьвер и, проверив его, спокойно сказал:

— Пошли! Нельзя медлить!

Выбрав самый короткий путь — по улице Озолу, — в полицейский участок побежали четверо рабочих.

Начальник полиции снова допрашивал Арвида Дзениса. Говоря откровенно, капитан скучал, потому что план о пересылке слесаря в уездную тюрьму у него созрел давно, нужно было только собрать все документы и написать последний протокол. Поэтому Сталтманис, дымя душистой сигарой, медленно задавал арестованному вопросы:

— Вы коммунист?

— Да, коммунист! — спокойно отвечал Дзенис, но в ответе его звучали сила и гордость.

— В ваших запрещенных книгах найдены листовки, которые вчера были распространены в городе. Что вы скажете на это?

Арвид, разгадав коварный план капитана, улыбнулся.

— Скажу, что листовки в мои книги положили вы,— невозмутимо промолвил он.

— Кто вам поверит! — зло усмехнулся Сталтманис. — У меня есть целых пять свидетелей, которые участвовали в обыске. Вот их подписи.

— Напрасно стараетесь, господин капитан! — Голос Дзениса стал более резким. — Любому мальчишке ясно, что ваши дни сочтены!

— Вы убеждены в этом? — ехидно осклабился капитан.

— Убежден! В Риге вся власть в руках рабочих. И в этом я тоже твердо убежден!

— В Риге, но не в Гулбене,— с издевкой произнес начальник полиции.

— А может, и в Гулбене!..

— Молчать! — Сталтманис стукнул кулаком по столу. — Я прикажу вас расстрелять!

— Опоздали! — широко улыбнулся Дзенис.

— Еще хватит времени... — Капитан вскочил на ноги и вдруг умолк.

Заговорило радио, которое включил дежурный.

«Внимание, внимание,— торжественно и величаво лился голос диктора,— говорит Рига! Сегодня свергнуто фашистское правительство Ульманиса! Вся власть в руках рабочих и трудового крестьянства!..»

Начальник полиции в бешенстве подбежал к столу, на

котором стоял приемник, и ударом ноги опрокинул его. В кабинете воцарилась мертвая тишина. Капитан вытер со лба капли пота.

— Проклятье!..— выдохнул он и опустился в кресло.—И в самом деле, вас надо немедленно расстрелять.

— В таком случае и вас повесят!

— Молчать! — снова завопил Сталтманис и схватил лежавший на столе револьвер.

Но в дверях вдруг появился перепуганный дежурный.

— Господин капитан!..

— Что?

— На пожарной каланче — красное знамя!..

— Немедленно снять!

— В центре города — демонстрация.

-- Открыть огонь!

Неожиданно в комнате дежурного раздались громкие, тяжелые шаги.

С треском распахнулась дверь. От сильного удара дежурный отлетел в сторону. В кабинет начальника полиции вошли четверо рабочих, среди них, с револьвером в руках, и Цериныш. Как во сне, начальник полиции услышал слова, произнесенные бывшим арестованным — коммунистом Арвидом Дзенисом. Приказ был твердый и решительный:

— Господин капитан! Именем нового правительства вы арестованы! Руки вверх!

Медленно-медленно капитан Сталтманис поднял руки...

С окраин, из обеих мельниц, от почты, с каждой улицы и из каждого дома к центру города направлялись люди. Колонна демонстрантов росла. От могучего ритма песни и шагов дрожали оконные стекла. И наши ребята, наш стрелковый полк шел в колонне демонстрантов. Людской поток остановился на большой площади у рынка. Быстро воцарилась тишина.

И тут мы услышали слаженную песню где-то за парком — это по Литенской дороге приближалась другая колонна. Там шли молодые парни и девушки, мужья и жены, батрачившие у кулаков. И вдруг от удивления мы широко раскрыли глаза — в первом ряду с высоко поднятым красным знаменем шел Оборванец! Он, как нам показалось, словно вырос, стал стройнее. Лицо его от загара и румянца так и светилось солнцем, даже шрам на щеке стал менее заметным. Рядом с ним, держась за локоть сына, шла его мать — кривая Ядвига. Но сегодня никто не замечал ее покалеченное плечо. Она шла прямо, с гордо поднятой головой, а в глазах искрились слезы радости.

Обе колонны, обменявшись громкими возгласами, руко-

пожатиями и поцелуями, слились в одну широкую, полноводную людскую реку. Оборванец—все вдруг вспомнили, что его звали Робертом,—увидел нас. Он подошел к Валдису и Брунису, поздоровался с ними и улыбнулся:

— Ну как, ребята, нашли знамя?

— Нет, не нашли...— Лицо Валдиса помрачнело.

— А помните записку: «Товарищи! Ваше знамя в надежных руках»?

— Да-да! — закричали мы в ответ.

— Значит, теперь все ясно?

— Но...

Роберт не дал нам продолжить. В его глазах лучились веселье и радость.

— Пожалуйста, получайте свое знамя, свое красное знамя! — Голос Роберта чуть-чуть дрогнул.— И всегда храните его у сердца! — Сильная и твердая рука вручила Валдису Цериньшу отполированное сотнями рук древко.

Мы не смогли промолвить ни слова. Запрокинув головы, смотрели мы на знамя затаив дыхание. Казалось, было слышно, как у всех нас в висках пульсирует кровь, а в груди стучит сердце. В этот момент к нам подошел отец Бруниса.

— Смотри, отец! — воскликнул Брунис.— Это вот — знамя нашего полка!

— Да, ребята!..— По лицу слесаря будто мелькнула тень воспоминаний.— Ваше знамя — это знамя красных стрелков. Оно полито кровью моего боевого друга... А теперь,— сказал после паузы Арвид Дзенис, приглаживая волосы,— решим так: пусть оно станет боевой эстафетой для вас, пусть оно будет знаменем будущих комсомольцев!..

Начался митинг. На большой ящик, вынесенный с базарной площади, один за другим поднимались ораторы. Мы слушали их взволнованные голоса, хорошие, дорогие слова. Но особенно запомнили слова одного железнодорожника:

— Теперь никто не посмеет называть наших детей, наших жен и нас самих черными. Мы — рабочие, и нас объединяет красное знамя!

Ну вот, значит, с этого дня мы никакие не черные. Мы стоим под своим красным знаменем. Стоим и всегда будем стоять: в работе, в борьбе — всегда и всюду!

Собравшиеся у ящика запели «Интернационал». Гимн подхватила вся площадь. Пели наши отцы, наши матери. Пели и мы:

Это есть наш последний
И решительный бой!..

Вот и погас пионерский костер на берегу Педедзе. Подошел к концу и рассказ о черных и белых, рассказ о красном знамени. Я распрощался с Марой, со своими юными друзьями, которые сейчас, наверное, сидят уже за партами и, может быть, слушают рассказ учителя истории о рождении Советской Латвии. Возможно, ребята вспоминают Генерала — Валдиса, Профессора — Бруниса, адъютанта Пипина, разведчика Назитиса...

Откровенно говоря, в спешке трудовых будней я чуть не позабыл о них. А теперь уже третий день в редакции на моем письменном столе лежит не совсем обычное письмо: простой конверт с «приятным» чернильным пятном, а в конверте — вырванный из тетради листок. Большими угловатыми буквами на нем выведено:

«Товарищ Янис!

Мой брат — пионер. Когда он вернулся из пионерского лагеря, он рассказал мне о Вас и вашем полке черных. Пожалуйста, напишите мне ясно и точно, где сейчас живет Валдис, где и когда можно с ним встретиться!

С уважением. Ваш Янис».

Я улыбнулся и решил, что тезке обязательно надо ответить. Но выяснилось, что мой юный друг, желая узнать, где живет Валдис, забыл сообщить, где живет он сам. Поэтому осталось только развести руками. Однако это письмо поторопило меня еще раз встретиться с друзьями юности, теперь, через десятилетия, чтобы узнать об их дальнейшей судьбе. Правда, не со всеми из них мне удалось свидеться лично.

Отважный Назитис остался верен своему таланту разведчика; я узнал, что он руководит геологической экспедицией где-то в Саянских горах. Он стал разведчиком богатств земных недр. Пипин, как прирожденный историк, с лопатой в

руках занялся исследованием прошлого. В Средней Азии, в пустыне, он раскопал целый древний город, занесенный песком. У Бруниса прожитые годы были более бурными. Когда началась Великая Отечественная война, его отец и мать ушли добровольцами на фронт. А сам Брунис исчез. Люди рассказывали, что парень на Литенской дороге вскочил в армейскую машину и уехал вместе с красноармейцами. И это, наверное, было правдой, потому что через несколько лет после войны я встретил его в университете в военной форме, с гвардейским значком на груди. Отец его, командир роты, пал под Москвой, а мать, санитарка, — под Берлином. Брунис работал и учился, закончил физический факультет. Теперь одного из молодых московских профессоров-специалистов в области атомной физики называют почтительно Бруно Дзенисом. Значит, наши слова не были брошены на ветер: наш Профессор стал действительно ученым-профессором.

А где же прославленный Генерал? Где Валдис Цериныш? Рассказывали разное: одни говорили, что его расстреляли фашисты, другие утверждали, что вместе с отцом и матерью он погиб в Саласпилсском лагере смерти, третьи — что он увезен в Германию... Рассказывали, будто Валдис пал в бою у Наро-Фоминска, ушел в партизаны, пропал без вести. Кому же верить? Никто не мог сказать ничего определенного. Лишь один человек, может быть, кое-что и знал о судьбе Цериныша. Нужно было найти этого человека — полковника Роберта Цёлма, нашего старого друга, бывшего Обованца. Перед отпуском именно его я встретил на улице.

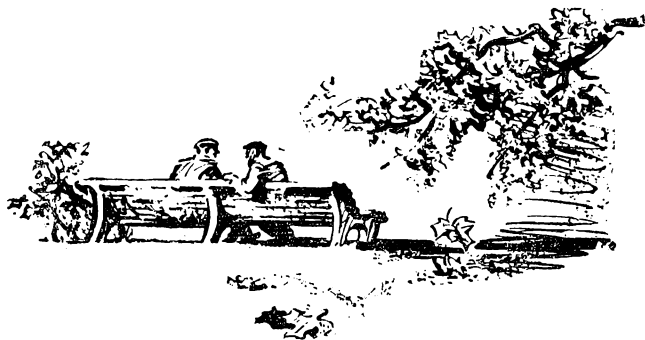
Когда гитлеровцы разбомбили гулбенский вокзал, мой отец снова перебрался на село. Я распрощался с Робертом — секретарем комсомольской организации и Валдисом — пионервожатым. Они остались в городе...

Я решил обязательно найти друга своей юности. Мне повезло. Шел как-то с работы и опять на углу улицы Кирова столкнулся с молодцеватым военным, у которого через всю левую щеку — от угла рта до виска — тянулся еле заметный шрам.

— Роберт! — окликнул я его.

— Здравствуй, Ян! — вскричал он, и лицо его озарилось широкой светлой улыбкой.

Через несколько минут мы уже сидели в парке на скамейке. Вокруг нас шумело море детских голосов. Падали красные кленовые листья. Небо было ярко-голубым. Белые облака в лучах вечернего солнца переливались фиолетовым светом, а мы все разговаривали и разговаривали. Когда солн-

це скрылось за крышами высоких домов, я показал Роберту необычное письмо. Он прочел его и печально, очень печально улыбнулся:

— Это, знаешь, сложный вопрос, где живет Валдис и как с ним встретиться. На это можно ответить так: нигде и никогда. Но можно и по-другому: он вместе с нами, всегда и всюду!

— Расскажи, что случилось с ним, — попросил я. Голос мой дрогнул.

— Ночью перед приходом гитлеровцев в Гулбене, — рас-

сказывал Роберт,—вовсю зверствовал Буллитис со своей бандой. Он собрал бывших айзсаргов, полицейских... Мою мать эти злодеи застрелили в кровати. Я был в комсомольском патруле, охранял вокзал. Они вломились и в квартиру Цериньшей. Валдис со второго этажа выпрыгнул в окно. Он прибежал к нам, хотел предупредить отца. Но Паул уже отправился домой, чтобы распрощаться с женой и сообщить ей, что уходит в партизаны. Его встретила пуля прямо на пороге. Мать Валдиса отправили потом в Саласпилсский лагерь. Не вернулась она... Когда на Рижской улице загрохотали немецкие танки, мы покинули город. Надеялись встретить части нашей армии. Но по всем дорогам шел поток чужеземцев-поработителей. Захватчики были уже в Бálвах. Значит, мы окружены. Встретили нескольких красноармейцев. Они присоединились к нам. Собралось человек пятнадцать — ядро будущего партизанского отряда. Нашим домом стали гулбенские и лубанские леса. В воздух полетели железнодорожные мосты, фашистские поезда с боеприпасами, вражеские автомашины. На тот свет мы отправили и командира шуцманов Буллитиса. Было это так: целая свора «героев тыла» выехала на так называемую очередную карательную акцию, чтобы поймать нас, но мы поймали их. В селе Дáуксты они пьянствовали у одного кулака. Буллитис вышел на улицу, чтобы полюбоваться природой, но не успел даже пикнуть, как ему заткнули кляпом рот и связали руки. Через окно, прямо на стол пирующих головорезов, влетело и разорвалось несколько гранат. Бывшего владельца мясного магазина партизаны приговорили к смертной казни. Прошел год, два. Гитлеровцы все стремительнее «сокращали» линию фронта. Ширилась партизанская война. Карательные батальоны фрицев днем и ночью прочесывали леса. Однажды нас окружили. Но мы вырвались. Через Педедзе перебрались из Латгалии в Вídземе. Главные наши силы пошли в Лубанском направлении. На берегу реки мы оставили пятерых бойцов, чтобы они прикрывали наш отход. Полицейская рота не

ожидала, что мы так быстро сможем переправиться через реку. Цепь противника сжалась в клубок, все столпились в лощине прямо против нас, на другом берегу. Великолепная цель! Но у нас не было ни пулеметов, ни автоматов, только винтовки и гранаты. А расстояние метров шестьдесят — семьдесят.

«Дайте мне все гранаты!» — шепнул Валдис.

«Что ты задумал?» — спросили мы.

«Увидите!»

Мы знали, что Валдис лучший спортсмен города, что на соревнованиях он бросал гранату почти на восемьдесят метров. Но здесь не соревнования!

«Давайте!» — опять раздался его тихий но требовательный голос.

Переглянулись: что делать? Хорошо, дадим. Перед Валдисом, у корней толстого дуба, легли десять гранат. Он снял со всех предохранители и положил рядом с собой. Скинул пиджак, засучил рукава рубашки и, спрятавшись за ствол дерева, встал во весь рост. В руке его мелькнул металл гранаты. Валдис размахнулся, напрягся, как пружина. Бросок!.. А в руке уже другая граната. Размах! Бросок! В руке третья граната. Опять бросок! Только сейчас за рекой взрывается первая граната, прямо в гуще полицейских. Летит четвертая... пятая... шестая... Еще и еще одна... А вот и последняя!.. Мы не слышим выстрелов, но видим — Валдис ранен! Однако и последняя граната достигла цели. А Валдис покачнулся и опустился на корни дуба. Подполз токарь Себрис и потащил его в более безопасное место. Наши пули разили противника. Противоположный берег напоминал распаханное картофельное поле. Подсчитали убитых и раненых, оставшихся на берегу реки: около двадцати полицейских! Другие барахтались в кустах...

Позже, когда мы поймали одного шуцмана, он все твердил, что у нас был миномет...

Валдис умер на третий день. Я помню его последние слова:

«В моем рюкзаке красное знамя... Знамя наших стрелков. Храните его вечно... Храните... у сердца...»

Завещание Валдиса было для нас священнее боевого приказа. Мы его выполнили. Сберегли знамя. Берегли больше своей жизни. Это знамя помогло нам победить. А Валдис... Его могила находится на берегу Педедзе, под тем дубом, где он совершил свой подвиг. Было это двадцать шесть лет назад. Тогда тоже стояла золотая осень...

... Полковник Целмс умолк. В парке давно воцарилась тишина. Наступила ночь. Над нами темно-голубое небо. Но в облаках еще горят лучи солнца. Тихий-тихий вечер. И кажется, что рядом на скамью садится еще один наш товарищ, павший в бою герой, которого мы никогда больше не встретим, но будем вечно чувствовать его плечо.

— Да,— говорит Роберт, медленно поднимаясь со скамейки,— в мире нет такой власти, которая могла бы отобрать у человека красное знамя, знамя цвета нашей крови...

Мы выходим из парка. Падают большие красные кленовые листья...

скан Larisa_F

